

ЕКАТЕРИНА СОБОЛЬ

ДЛЯ ПРОРОЧЕСТВ
НЕТ
ГРАНИЦ

АНЧИМА

ЗОЛОТОЙ
СТРИЖ

МЕЧТА —
ВЕЛИКАЯ СИЛА

Анима

Екатерина Соболев

Золотой стриж

«РОСМЭН»

2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Золотой стриж / Е. Соболь — «Росмэн», 2019 — (Анима)

ISBN 978-5-353-09083-0

Когда-то земли золотой магии жили по законам анимы – силы самой жизни, радости, добрых чувств и поступков. Но безжалостное племя Ястребов избавилось от добрых волшебников и захватило власть. Кажется, что Ястребы не боятся ничего... кроме пророчества: единственной угрозой Империи станет золотой стриж – могущественный маг. Завоеватели готовы на все, чтобы найти и схватить стрижа, а потом уничтожить край, где еще теплится золотая магия. Но на их пути оказывается юный Нил, который готов бросить им вызов. Справится ли он с невероятными испытаниями? Сможет ли противостоять могучей теневой магии Ястребов?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09083-0

© Соболь Е., 2019

© Росмэн, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Соболев

Золотой стриж

Серия «Анима»

© Екатерина Соболев, текст, 2019

© ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

*Йорки, моему дорогову другу, на память о сборнике историй с
золотым тиснением*

Пролог

Все началось с того, что один мальчик забрел далеко-далеко в лес.

Хотя на самом деле, конечно, началось вовсе не с этого – к тому моменту большая история уже неслась вперед на всех парах, но для мальчика и его земли точкой отсчета стало как раз то ясное летнее утро.

История любит точность, и вот пара цифр: племя мальчика насчитывало восемьсот сорок два человека, на часах, будь у кого-нибудь в этой области часы, было бы шесть утра, а что до года – это слишком важный вопрос, чтобы ответить на него без всякой подготовки.

Итак, мальчик решительно продвигался вперед, разводя перед собой ветки кустов и сухие стебли. Лицо его было уже изрядно расцарапано, но что такое мелкие неудобства на пути к великой цели? А цель у него была: добраться до озера, где в камышовых зарослях утки разводят птенцов, и унести парочку, чтобы вырастить их в пруду около своего дома. Пусть малышей и придется отнять от матери, размышлял он на ходу, им уготована почтенная судьба: стать родоначальниками целого утиного племени. Надо объяснить это утятам и их маме, тогда она, наверное, не будет возражать. Он пока, конечно, еще не волшебник и не умеет так хорошо передавать свои мысли другим живым существам, но вдруг, если попробовать много раз подряд, все-таки получится?

– Здравствуй, – вдруг сказал чей-то голос.

Мальчик подозрительно огляделся. Никого.

– Привет, – кивнул он, заглядывая за ближайшие деревья. Там тоже никого не было. Но чего бояться? Он дома, на своей земле, а тут ничего плохого случиться не может. – Ты потерялся?

– Пока нет, – ответил голос и внезапно загрустил. – Но это, к сожалению, сегодня произойдет. О, прости, что не представился: я дух вашей земли. Хорошо, что ты сюда зашел. Я очень хотел с кем-нибудь попрощаться, а близко к жилищам мы не подходим.

– Зачем прощаться? Ты не нашел подарка? – испугался мальчик. – Яблоки мы тебе оставляем под большим деревом на поляне, а репу...

– Я все нашел, не в этом дело, – вздохнул дух. Голос у него был немного картавый, удивительно человеческий для бестелесного существа. – Просто вашу землю сегодня попытаются захватить, а я не дам этому случиться.

Мальчик нахмурился. Разве землю можно захватить? Прошлым летом соседнее племя попыталось захватить корову, принадлежащую его дяде, но тот вовремя проснулся, достал особенную булавку, которую, как выяснилось, лет тридцать хранил для такого случая, и бросил в захватчиков. У тех выросли овечьи уши, и вот так они и ходили еще неделю на радость всем вокруг, пока уши не растворились: магия в их глухих краях – редкость, не каждый день такое увидишь! Дядя сиял от гордости и даже пригласил бедолаг на пир дружбы, все помирились, а мальчик с тех пор возмечтал стать волшебником, чтобы самому научиться делать такие интересные предметы.

– Им что, опять коровы нужны? – спросил он. – Можем поменять на овец.

Голос издал сухой смешок.

– Вы тут, похоже, совсем не знаете новостей. Гроза добралась даже сюда. – Мальчик обернулся, но никакой грозы не увидел и в помине, небо было чистейшего синего цвета. – Кто же знал, что магию можно ткать из Тени, не только из анимы? О, мирные земли!

– Ты что, правда умрешь? – нахмурился мальчик. – Слушай, возьми, это тебе. Тут всего на день, но папа сказал, что для умирающего день ценнее, чем для здорового.

Мальчик сосредоточился и попытался передать аниму из своего сердца руке. О, этот трюк он уже освоил! Теплое золотое сияние скользнуло в его ладонь, и на ней загорелся огонек.

– Анима, – прошептал дух. – Самое ценное, что есть в мире. Сила самой жизни, душа и радость, ибо все это – одно и то же.

– Я месяц назад подарил немного дедушке, ему совсем плохо было, – гордо сказал мальчик. – Ну и я ему вот столько же отдал – он потом целый день прожил, со всеми попрощался, дела закончил и спокойно заснул. Папа сказал, что я молодец.

– А он не сказал, что, отдавая кому-нибудь один день, ты отнимаешь его у себя?

– Сказал. А еще сказал, что я сильный и за жизнь хорошими поступками накоплю себе много анимы. И что волшебники в сказках всегда умели делиться. А я очень, очень хочу стать волшебником.

Мальчик почувствовал, что кто-то сжал его раскрытую ладонь в кулак и золотое сияние впиталось обратно в кожу.

– Тебе самому пригодится, – сказал голос совсем близко и громко, и мальчику показалось, будто что-то невидимое вглядывается ему в лицо. – Впереди тяжелые времена.

Дух замолчал, и ощущение внимательного взгляда из пустоты исчезло. Мальчик собрался идти дальше: ему уже не терпелось подержать в руках утенка, но дух внезапно заговорил снова:

– Пожалуй, лучше уж я тебе кое-что подарю, вдруг однажды пригодится! Вот это обронил когда-то в здешнем лесу добрый маг. Карманы у него были дырявые, потому что, как и все настоящие маги, он был очень беден.

Под ноги мальчику упал деревянный гребешок. Он поднял его и повертел в руках: на вид ничего особенного, даже резьбы нет, но кончики пальцев сразу начало покалывать от волшебства. Только настоящие маги умеют вкладывать часть своей анимы в предметы, придавать им особые свойства. Ух ты, ничего себе подарок! Такие штуки очень дорого стоят, дядя вон свою булавку тридцать лет не тратил.

– От него волосы быстрее начнут расти, да? – выдохнул мальчик. – Спасибо, сестре подарю: она хочет, чтобы отросли, как у мамы, до земли. А когда-нибудь я и сам такие гребешки буду делать! Выучусь паре трюков для начала, родители меня в ученики к какому-нибудь волшебнику отправят, а потом...

– Не лучшее время для этой мечты, – осторожно проговорил дух. – Я бы на твоём месте...

– Да ладно! – бодро перебил мальчик. – Мама говорит, стоит только захотеть, и чего угодно добьешься. Я стану лучшим волшебником в мире!

Дух тяжело вздохнул.

– Тогда удачи тебе, добрый мальчик. – По деревьям пробежал ветерок, и голос духа стал тише. – Мечты – это великая сила, в них сама суть магии.

Но мальчик уже не слушал – он вдруг заметил, что ветер крепчает, хотя никаких туч не было и в помине. В высоте тревожно вскрикнула птица.

– Мне будет очень всего этого не хватать, – шепнул дух. – У вас поразительно красивая земля. Все хвастаются своими владениями, как жаль, что мне никогда не хватало слов описать свои.

Мальчик посмотрел вокруг: да, день был погожий, паутина тонко блестела между веток куста, лес был ошеломительно зеленым, как и надо в разгар лета, но что в этом такого? Куда больше его беспокоило то, что ветер начал рвать с деревьев листья. Наверное, все утята скрылись в камышах, их теперь не найти.

– Беги домой поскорее, – прошепел дух. – Там ты будешь в безопасности, не время быть героем.

– А если я хочу быть героем? – спросил мальчик, которому редко удавалось поучаствовать в таком интересном разговоре.

Дух на несколько мгновений замолчал.

– Тогда останься. Ты смелый, и в тебе много анимы. Если не погибнешь, сможешь однажды стать великим, не зря ведь ты мне сегодня встретился. Но это слишком большое решение для такого малыша.

– Я не малыш! И я ужасно хочу быть героем, – выпалил мальчик. – Что надо сделать?

– Ничего. Ты уже сказал то, что нужно, – прошепел дух.

Мальчик поежился. Ему запоздало почудилось, что он сделал какую-то глупость, но отступать было поздно, надо делать вид, что все ему нипочем.

– Ох, а у меня ведь есть кое-что еще! Чуть не забыл, – прибавил дух. – Это секрет, и я его подслушал при очень неловких обстоятельствах. Хотел на что-нибудь обменять, но поздно: Ястребы уже здесь. Не пропадать же такой ценности.

И он шепнул ему секрет – мальчик почувствовал у своего уха дыхание, развевающее прядки волос, будто невидимые губы приблизились к нему.

– Только никому не рассказывай, – прибавил дух.

– Ты ведь мне рассказал, – ответил мальчик, ежась от холодного ветра.

– Секрет, раскрытый ребенку, не считается раскрытым, дети вечно все забудут или перепутают. Но ты не забывай, ладно? Прощай, молодой человек из красивой земли. В сказках обычно делают три подарка, но у меня ничего больше нет.

И тогда мальчик обернулся и увидел. На лес надвигалась грозовая туча, неумолимо ползла вперед, и это была не просто буря: молнии, то и дело вспыхивающие в ее сизых недрах, доставали до самой земли.

– Эй! – пронзительно крикнул мальчик. – Ты где? Вернись!

Но было тихо. Что-то изменилось не только в небе, во всем вокруг, даже в нем самом, но он тоже не знал достаточно слов, чтобы объяснить это. Молнии сверкали все ближе, а затем повсюду закричали птицы.

У каждого уголка нашей зеленой планеты есть свой дух, и все они, даже будучи детьми одной матери-земли, совершенно не похожи друг на друга – так же как и народы, живущие в их владениях. Дух этой мирной земли, населенной веселыми, честными и, признаться, недалекими тружениками, тоже был мирным и простодушным и даже не понял, какую драгоценную тайну успел передать, прежде чем исчезнуть.

Пройдет много лет, прежде чем мальчик вспомнит об их встрече снова.

Глава 1

Монструм

Самое главное в магии – это умение полюбить момент. Не беспокоиться ни о прошлом, ни о будущем, знать, что для волшебства есть только здесь и сейчас. Передаешь рукам свое хорошее настроение, радость, силу жизни – словом, аниму, – и готово, твори невероятные чудеса!

С настроением у Нила проблем не было, а вот с тем, чтобы передавать, успехов он пока не добился. Голос здравого смысла шептал, что четыре года попыток – веский довод, чтобы признать поражение, но других идей все равно не было, так что Нил подышал на замерзшие руки и снова приложил их к гладкой черной стене. Ладони привычно охватил холод, и Нил сосредоточился на своем сердцебиении, на дыхании, на всех восхитительных признаках того, что он жив, и почувствовал, как магия нежно, гладко скользнула из его сердца в кончики пальцев и...

Ну, почти почувствовал. Он был уверен, что так все и будет, но каждый раз этим и заканчивалось: легкое покалывание в ладонях – и все. Нил прислонился лбом к холодному камню. Изгородь уходила высоко вверх, и небо над ней было таким же, как всегда: безжизненным и серым. В Селении никогда ничего не меняется, теневая магия Ястребов защищает его и от солнца, и от дождя, но за свою жизнь Нил научился различать в этой серости небольшие оттенки. Сегодня, например, казалось, что где-то там, снаружи, начинается солнечный, великолепно яркий день.

– Эй, пожалуйста, – прошептал он, вцепившись в черную стену. – Я могу, знаю, что могу, ну же! Я хочу домой. Мне нужно домой. Давай!

Но камни не исчезли, не превратились в листья или воду, не рассыпались золотыми искрами. Ладно, до побудки времени много. Раз уж удалось сегодня рано проснуться, надо попробовать снова и не отчаиваться, из грусти магию точно не соткать. Итак, ощущение гладкого камня, покой, красота, любовь и...

На ноге у него сжались острые ледяные зубы, и Нил охнул.

– Хорошая собачка, – прохрипел он, изо всех сил дергая ногой. Челюсти, ясное дело, не разжались. – Или ты не собачка? Может, заяц? Еж? Тру... Трудно сказать.

Монструм, конечно, не ответил: сгусток тьмы, едва различимый в предрассветных сумерках. У каждого Ястреба есть такой помощник, сотканный из тени: их магия так велика, что не вмещается в них целиком, хватает еще вот на такого прихвостня в виде какой-нибудь зве-

рушки. Обычно выглядели такие теневые твари довольно жутко, но не в этом случае – трудно всерьез испугаться низенького существа с торчащими ушами. В данный момент существо нетерпеливо махало хвостом и тянуло Нила назад, мелко переступая короткими лапками. От лодыжки, которую сжимали его бестелесные челюсти, покалывающая холодная боль медленно ползла к колену.

– Если бы ты направлял все эти усилия на игру, давно бы уже стал лучшим игроком, – без выражения сказал голос у Нила за спиной. – И вышел отсюда законным способом.

– У всех ваших такой слух хороший и... или только у тебя? – Нил болезненно выдохнул сквозь сжатые зубы.

Ногу свело так, будто ее засунули в глыбу льда, – обычно монструм так сильно не кусал. – По... почему все время именно ты и твой не... несуразный пес-призрак?

– Он чувствует, что ты опять нарушаешь распорядок дня, и ведет меня за собой. – Кадет свистнул, и монструм разжал зубы. – Он помнит всех, кого кусал.

– Если он однажды про... протянет лапы, выбей это на его надгробном камне. – Нил со стоном опустился на камни, кое-как согнув ногу. Он решил благоразумно промолчать о том, что нюх чудо-пса срабатывает только раз в несколько месяцев, а он сам приходит к Изгороди почти каждый день. – С не... недобрым утром, Кадет Семь Два Три.

Кадет стоял шагах в десяти от Изгороди, сложив руки за спиной, и Нилу вдруг показалось, что вид у него какой-то встрепанный, беспокойный, не такой, как обычно. Судить, конечно, трудно, у Ястребов и лиц-то почти не разглядеть между капюшоном и маской, закрывающей нос и рот, – но за столько лет Нил научился различать оттенки не только в погоде.

– Ты помнишь, что я сказал тебе в прошлый раз? – негромко спросил Кадет.

Нил пожал плечами. Кадет каждый раз говорил одно и то же, он не особо слушал: «Игрокам запрещено подходить к Изгороди», «Золотая магия давно иссякла», «Тень владеет миром. Куда ты планировал бежать?» – и все такое. В вопросах надежды и спасения вряд ли стоит слушать типов, которые годами живут на злобной теневой магии и которым запрещает радоваться свод правил толщиной с кирпич.

– А можно спросить: вам этих зверушек готовыми раздают или они сами решают, какую форму принять? – Нил кивнул на монструма, который чесал задней лапой нос, как настоящая собака. – Вот у вашего начальника какая-то мерзейшая тварь с щупальцами, а твой, прости, напоминает клочок пакли.

Кадет подошел ближе, и Нил сразу сжался, но тот просто дернул его за шкурку и поставил на ноги легко, как котенка.

– Я сказал, что, если увижу тебя здесь еще раз, этот раз станет последним.

– И где ты так хорошо наш язык выучил? – пробормотал Нил, морщась от боли в ноге и от холода, которым окатывало, стоило Кадету чуть сильнее сжать его воротник. – Остальные еле-еле слова связывают, а ты...

– Сегодня ты нарушил правила в десятый раз. В свободное время я перечитал устав. Согласно правилу пятнадцать свода номер семь игрока иссушают после десяти нарушений.

– Что? – выдохнул Нил. В голове у него мелькнуло, что изучать на досуге рабочий устав способны только Ястребы, но желание острить тут же погребла под собой лавина ужаса. – Да ладно, ты же шутишь, да?

– Шучу? – озадаченно переспросил Кадет. – Шутка в вашем языке значит «история с целью развлечения». Мы не мыслим такими понятиями.

– Нет. Стой. – Нил попытался шагнуть назад, но ледяная рука удерживала его на месте, и он вдруг почувствовал, что этот холод действительно вытягивает из него аниму: тепло, жизнь, надежду. – Я же ценное имущество!

– Ты? Худший игрок во всем Селении?

– Не надо, эй, не надо, – выдавил Нил. У него уже начали леденеть губы. – Ты же не такой, как другие. Не злой.

– Для нас отсутствие злости – не добродетель. Тебе не стоило приходить сюда снова.

– Я же не думал, что ты серьезно предупреждаешь! – Нил всю жизнь не позволял страху себя догнать, но теперь тот медленно, по капле вливался в него. – Думал, это просто слова.

– Вот потому цивилизация золотых магов и пала, – сказал Кадет, и Нилу наконец удалось перехватить его взгляд – бесстрастный, ничего не выражающий. – Вы не относитесь ни к чему серьезно.

Нил судорожно вдохнул, пытаясь сопротивляться холоду, который разливался по телу, и его вдруг осенило.

– Стой, – еле-еле шевеля онемевшими губами, выдавил он. – Я не знал. Про десять раз. Ты должен был. Меня. Уведомить. – Хватка на воротнике чуть ослабла, и Нил продолжил: – Как можно со... соблюдать правило, которого не знаешь?

Кадет замер, как деревянное изваяние. Он всерьез обдумывал его слова, глядя прямо перед собой хмурыми темными глазами. Потом разжал руку, и Нил повалился на камни, отчаянно кашляя.

– Ты прав. – Кадет отрывисто кивнул. – Мы никогда не объявляли о правиле десяти нарушений, потому что до тебя никто не совершал больше двух. Обычно игроки не рискуют ради выдумки сном и возможностью победить. Теперь ты уведомлен, и в следующий раз...

– Понял, – выдохнул Нил и прислонился спиной к Изгороди. У него дрожали ноги, но в остальном настроение стремительно мчалось от смертельного ужаса к «да ладно, бывает и хуже». – Больше ты меня тут не увидишь.

«Я придумаю способ обойти правило», – упрямо подумал он, косясь на монструма. Тот продолжал беспокойно чесаться, будто у него блохи, хотя какие блохи у чистой тьмы?

– У тебя ничего не получится, – сказал Кадет, будто прочел его мысли. – Изгородь защищена десятком теневых чар, а анимы у тебя едва хватает на поддержание жизни. У каждого наступает день, когда можно сделать только одно – сдаться.

На последних словах в его голосе вдруг прорезалось что-то живое, болезненное, и Нил вскинул голову. В сером мирке, где завтрашний день всегда похож на вчерашний, он улавливал каждое мелкое колебание, как рыба на глубине чувствует грозу.

– Ты в порядке? – брякнул он, переводя взгляд с напряженно застывшего Кадета на беспокойного черного пса. – Выглядишь так, будто у тебя неприятности.

– Неприятности. – Кадет повторил слово, будто перекачивал его на языке, вспоминая, что оно значит. – А! Естественные препятствия на пути к достижению цели. Мы не мыслим в категориях приятного.

– Да уж, весело вам живется. – Монструм зарычал, продолжая яростно расчесывать лапой живот, и Нил примирительно поднял руки. – Seriously, я могу тебе помочь?

Кадет вздрогнул от неожиданности, и, даже не глядя ему в глаза, Нил понял, что произносить последнее слово не стоило.

– Я не к тому, что великим Ястребам может понадобиться помощь рабов, – зачастил Нил, пытаясь исправить положение. Только не обратно в дом, только не спать, когда происходит хоть что-то интересное. – Просто имею в виду, что ты мне который раз помогаешь, отпускаешь домой без всякого наказания, и я решил, вдруг тебе...

– Помогаю? – угрожающе переспросил Кадет. Нилу хотелось сказать, что угроза не очень-то впечатляет, когда у твоих ног катается, дрыгая лапами, пес тьмы и пытается почесать себе спину о камни, но благоразумно промолчал. – Я просто делаю свою работу. Ты нарушаешь правила, а я не хочу, чтобы у нашего игрового Селения были проблемы из-за одной неудачной овцы.

– Паршивой, – машинально поправил Нил. – Говорят «паршивой овцы».

На секунду он испугался, что перегнул палку, но Кадет задумчиво кивнул, принимая его слова к сведению.

– Я запомню. А мы не говорим «рабы», это резко оценочное суждение. – Он опустился на колени и попытался успокоить выющую ужом собаку. – Мы называем вас «представители освобожденных народов».

– Да ладно, – ошарашенно пробормотал Нил и похлопал по Изгороди. – Освобожденных от чего?

– От хаоса и отсутствия порядка. Там, где правила золотая магия, ничего невозможно было предсказать. – Кадет продолжал чесать собаку, так что Нил видел только капюшон и напряженные плечи под складками темной ткани. – Тень всегда действует по правилам, она приносит в мир порядок, и поэтому я недоволен, что не разобрался, как... – Он перебил самого себя. – Иди спать. Ты не можешь оказать мне содействие.

– Но могу просто выслушать, тебе сразу легче будет, – предложил Нил. – У нас всегда так делали.

– Да, я слышал. Вы создавали связи между людьми даже там, где их быть не может.

Кадет подхватил монструма под мышку и зашагал прочь. Говорят, теневые твари всегда послушны воле хозяина, а Кадет даже такой мелкий клочок тьмы успокоить не мог. Нил еле сдержал улыбку. Приятно знать, что в мире великих и ужасных Ястребов тоже есть свои неудачники.

– Эй! – громким шепотом позвал Нил. – Мне даже проболтаться некому. Наших, кроме игры, ничего не интересует, ты бы прямо гордиться ими мог.

Кадет остановился, едва различимый в сумерках, кое-как отделяющих ночь от дня.

– Ты странный, – сказал он, не поворачиваясь. – Я никогда не чувствую от тебя страха. Остальные дрожат, если мы подходим близко, но не ты.

– Ну, я просто храбрый, – сказал Нил, потому что Кадет, хоть и был самым нормальным из Ястребов, точно не понял бы настоящих причин. – А если спросишь, почему я тогда так плохо играю, скажу: мои таланты, наверное, лежат в другой об...

– Я не выполнил работу, – отрывисто произнес Кадет. – Не справился с предсказанием.

– Притворюсь, что понимаю, о чем речь, и скажу, что ты старался, как мог.

Кадет потер затылок: небывало заметный жест для Ястребов, которые всегда двигаются так, будто их хорошенько заморозили.

– Ты знаешь, что такое место силы? – спросил он, по-прежнему не оборачиваясь.

Нил сглотнул. Сердце у него заколотилось как бешеное, и он изо всех сил постарался дышать ровнее: слух у Ястребов отличный.

– Вроде да, – неестественным голосом проговорил он. – Место, которое дает магию всем окружающим землям.

– Именно. Средоточие всего волшебства определенной территории, точка, где оно сильнее всего. Ваши места силы давали жителям помощь. – Кадет сказал последнее слово так, будто даже произносить его неприятно. – Наши места силы дают пророчества, чтобы мы могли держать будущее под контролем. Когда сама Тень хочет сообщить о чем-то важном тем, кто ей служит, она выбирает исполнителя. И посылает ему предсказание, которому тот обязан последовать.

– Звучит жутковато, – пробормотал Нил, и Кадет обернулся.

Нил покорно опустил взгляд, но Кадет, как ни странно, не разозлился.

– У меня самый низший магический ранг, я обычный кадет, надзиратель игрового Селения. Но Тень выбрала меня, – выдавил он. – Это большая честь.

– Чего-то ты не радостный. – Нил спохватился. – Прости! У вас это вроде ругательства? Ты не выглядишь... – Ох, да как они вообще общаются, если избегают слов вроде «радость» или «помощь». Нил запыхтел. – Мм-м... Ты не выглядишь удовлетворенным.

– Я и не удовлетворен. – Несмотря на мрачный голос, похоже, Кадету действительно полегчало: монструм перестал дергаться и затих у него на руках. – Пророчества обычно ясные, каким бы образом они ни появились: в тенях, в отблесках огня, в небе. Но в этот раз Тень говорит загадками.

– Загадками? – оживился Нил. – Вроде «новая посуда, а вся в дырках»?

– Что?

– Ну, решето же!

Кадет озадаченно нахмурился, глядя прямо перед собой.

– При чем здесь предмет для просеивания муки? – наконец спросил он. – Послание Тени зашифровано, а я не вижу в этом коде логики, даже Господин Череп не видит.

– Вы серьезно называете своего начальника Господин Череп? – изумился Нил.

Но Кадет словно не услышал.

– Если я только разгадаю послание, уверен, что смогу исполнить его безупречно, а это поможет мне подняться в магическом ранге. Мне нужно отсюда вырваться, я не хо... – Он проглотил остаток слова: ну, конечно, говорить «не хочу» Ястребам не положено. – Я не планирую остаться здесь навсегда.

– Хотя что-то у нас есть общее, – хмыкнул Нил. – Может, взгляд со стороны пригодится? Расскажи мне загадку, хуже не будет. Что ты теряешь?

Он не то чтобы всерьез рассчитывал, просто хотел, чтобы интересное утро не заканчивалось, но Кадет уставился на него как-то слишком внимательно.

– А ты умеешь настаивать на своем, – протянул Кадет. – Просыпаешься раньше других, бегаешь сюда, а остальные и час в день еле на ногах стоят. Откуда в тебе столько анимы?

– Недостаточно. – Нил посмотрел на свои руки. – Когда ее много, хватает на магию.

Кадет медленно кивнул.

– Ты прав. А с учетом того, что представляет собой данное пророчество, вдруг ты и... Ладно. Иди за мной. Предсказание в управлении, и состоит оно не из слов.

Кадет выпустил собаку, и она потрусилась за ним. Нил побрел следом, припадая на ногу: она так до конца и не разморозилась. До него запоздало начало доходить, что совать нос в дела Ястребов было большой ошибкой, но так уж он был устроен: сначала делал, потом думал.

Они шли мимо одинаковых домов, где спали игроки, мимо арены, которая в полутьме выглядела как гигантское птичье крыло. Ни клочка земли, ни дерева, ни травинки, все улицы вымощены черным камнем.

Главное управление Ястребов на вид оказалось похожим на дома игроков, только просторнее и с окнами. Нил вошел, взволнованно озираясь, но внутри оказалось не так уж интересно. Он всегда думал, что Ястребы живут роскошно, но за дверью был просто коридор с дверьми. Стены украшали куски ткани с номерами победителей разных лет. То, что тут работают именно Ястребы с их фанатичной любовью к порядку, было очевидно: куски ткани были прибиты к стенам идеально ровно и на одинаковом расстоянии.

– Уютно тут у вас, – выдавил Нил, вспомнив из детства, что, попав в чужой дом, надо его похвалить.

Кадет бросил на него взгляд, который явно говорил о том, что у Ястребов такого правила нет.

– Тихо, – отрезал он. – Другие спят. Если тебя тут застанут, это будет контрпродуктивно.

Нил быстро закивал. Он такого слова не знал, Кадет часто пересыпал местную речь словечками из своего языка, – но, очевидно, это значило что-то вроде «тебя иссушат на месте». Другие Ястребы церемониться не будут – Нила аж передергивало, когда он вспоминал высокоченного типа, бывшего тех, кого угораздило посмотреть ему в глаза, и второго, который вечно лишал еды тех, кто мало злился на игре. Нил не хотел думать, чего лишат его, если тут застанут,

и он поступил с этими мыслями так же, как с любыми неприятными мыслями, приходившими ему в голову: затолкал подальше и сделал вид, что их не существует.

Кадет толкнул одну из дверей, Нил зашел вслед за ним – и потрясенно застыл.

Комната была обычная, из мебели – только стол, заваленный стопками берестяных листов, и пара стульев. Но в воздухе над всем этим парило что-то невиданное: части каменной фигуры человека, разбитой на куски. Нил проводил взглядом ступню, проплывшую мимо. Тот, кто ее сделал, не поленился вылепить даже ногти, вены и выпирающие косточки.

– Это и есть пророчество. Проявилось из тени вечером, в мою смену. – Кадет поймал две мелкие штуки, кружившиеся в воздухе среди обломков: птичье перо и металлический кругляш. – Еще вот это. И запах. Мы проверили их всеми заклинаниями, которые знаем, – ничего. Обратились к теневой библиотеке, но не нашли precedентов.

Последнюю фразу Нил вообще не понял, зато наконец сообразил, о каком запахе говорит Кадет. Слабая нота чего-то нежного и сладкого, неуместного здесь: ягод, цветов, солнечного луга. Нил покосился на монструма. Глаз у этого комка тьмы не было, но он все равно как-то ухитрился смотреть – Нил чувствовал его тяжелый, подозрительный взгляд. Уши у пса беспокойно подергивались.

– Раз послание пришло работнику игрового Селения, возможно, ключ к шифру – что-то, связанное с игроками, – настойчиво сказал Кадет. – Ты видел что-то подобное раньше?

Нил еле сдержал смех.

– Огромного каменного человека? Да кому такое в голову может прийти!

– Понятно. Это Колосс, символ утраченного величия. У одного из освобожденных нами народов была такая легенда. Я пробовал восстановить целостность, но...

Он сделал неуловимое движение рукой, и фигура медленно начала собираться. В комнате все равно не было места, чтобы она смогла встать в полный рост, но до этого и не дошло – стоило нескольким кускам, повинаясь едва заметным движениям пальцев Кадета, сойтись вместе, они тут же разошлись снова, будто какая-то невидимая сила отталкивала их друг от друга.

– Рассыпается, как ни пробовал. Значит, суть послания именно в том, что фигура уничтожена. Теперь это. – Он разжал вторую руку и показал Нилу мелкое черное перо. – Я проверил на соответствие – это перо стрижа. А стрижами мы называем...

– Народы, владевшие золотой магией. Я знаю, – перебил Нил. – Только не знаю почему.

– Монета не ваша, – продолжил Кадет, разглядывая блестящий кружок. – Она принадлежит другому освобожденному нами народу, с юга. А запах и вообще не может что-либо значить.

Нил еще раз принюхался – у него даже во рту отдавалась эта сладость. Конечно, запахи могут что-то значить. Этот, например, означал...

– Теплый день в конце лета, – пробормотал он, и запах вдруг стал сильнее. Нил чуть не улыбнулся: он и забыл, как любит загадки. – Малина, грибы, земля и трава. И немного сухих листьев. О, а эти штуки одинакового размера, заметил? – Он взял у Кадета из рук монету и перо. – Может, они вместе должны быть?

– Детская логика, – бросил Кадет, и вдруг глаза между капюшоном и маской расширились.

Нил так засмотрелся на это невиданное зрелище – удивленный Ястреб, – что чуть не пропустил самое интересное. Монету и перо притянуло друг к другу, и монета начала плавиться, превращаться в жидкий металл, который растекся по перу и сразу застыл. Перо стало блестяще-желтым.

– Дело было не в монете, а в материале. Золото, – выдохнул Кадет. – И перо. Золотой стриж. – Он издал сдавленный, короткий звук. – О, Великий Магус.

Нил глубоко, с наслаждением вдохнул, сунув заledenевшие руки под мышки. Он понятия не имел, что творится и к чему это приведет, просто чувствовал себя таким головокружительно свободным, таким внезапно полезным и живым. Хотя бы его подольше отсюда не выгоняли.

– Это пророчество о вас, отсюда такое неразумное смешение форм. Тень хочет проверить, понимаем ли мы, как вы мыслите, поэтому имитирует вашу магию, – забормотал Кадет. Он выглядел таким сбитым с толку, что Нилу стало жаль его. – Разгадай его до конца. Мы давно ищем золотого стрижа, и это какое-то указание, как его поймать.

Он присмотрелся к статуе: прекрасная голова с шапкой неподвижных кудрей и пустыми глазами, тело в рубашке до колена, две ноги, две руки. Одна была расслабленно приоткрыта, а вторая сжата в кулак.

– А вы не пробовали разжать кулак? – спросил он. Там, где Кадет держал его локоть, кожа, наверное, уже посинела от холода. – Когда у человека кулак сжат, он там наверняка что-то прячет. Ну, как в той игре – «Угадай, в какой руке подарок».

– У тебя очень необычные ассоциации со сжатым кулаком, – сказал Кадет, но хватку на локте милостиво разжал. – Это просто символ мощи, угроза врагам.

Но кулак теперь не давал Нилу покоя. Ему вдруг пришло в голову, что этот каменный красавец был сделан одним из покоренных народов, а значит, если он и грозит кому-то кулаком, то, похоже, Ястребам. Он поймал руку за прохладное каменное запястье и попытался разжать пальцы. Те не подались, но дрогнули.

– Можно посмотреть? – тихо сказал он, держа обеими руками каменный кулак. – Пожалуйста.

Кадет презрительно фыркнул, но белые пальцы начали медленно разжиматься. На каменной ладони поблескивал плоский металлический треугольник, и Кадет взял его.

– Лавровый венок и крыло. Герб Империи в руках Колосса, символа краха. Что... – Он подавился воздухом, и монстр в углу испуганно тявкнул. – Я не понимаю.

Треугольник поднялся в воздух над его ладонью и скользнул прочь, словно что-то притянуло его к остальным предметам. Нил широко улыбнулся, пользуясь тем, что Кадет не смотрит. Он и забыл, какое это приятное чувство: разгадать загадку. Вот это утро!

Золотое перо, герб, обломки статуи, все стянулось в середину комнаты, начало темнеть и таять, превращаясь в то, чем и было с самого начала, – в Тень. Холодное черное облако повисело несколько секунд в воздухе, а потом вытянулось в смутное подобие человеческой фигуры. Кадет упал на колени, монстр испуганно распластался на полу в плоскую тень в форме собаки, а Нил так и застыл посреди комнаты, не зная, куда податься. Теневой призрак негромко сказал что-то на свистящем, шелкающем языке Ястребов, а потом растаял.

Монстр принял нормальную форму и начал носиться кругами, глухо ворча, но остановить его Кадет не пытался. Он тяжело дышал, глядя прямо перед собой.

– Что он сказал? – шепотом спросил Нил.

– «Летним днем золотой стриж обрушит Империю Ястребов», – глухо произнес Кадет, и Нил почувствовал, что улыбка сползает с его собственного лица.

Кадет, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Когда предсказание благоприятное, нужно потрудиться, чтобы оно стало правдой. Когда плохое, уверен, его можно предотвратить. Тень уже несколько раз предупреждала о золотом стриже. О том, что найдется представитель освобожденных народов, все еще обладающий анимой невероятной силы, и он будет опасен. Мы избавились от всех золотых магов, но... – Кадет сжал кулак. Взгляд его лихорадочно бегал, словно он с огромной скоростью о чем-то размышлял. – Раз пророчество пришло сюда, значит... Мы думали, золотого стрижа берегут и защищают, а он здесь. Один из четырех сотен жителей этого Селения. Знаешь, почему я тебе все это рассказываю?

– Потому что это я, – выдавил Нил. Эта мысль поглотила его полностью, и он не понимал, что чувствует: ужас, мучительную радость, все сразу. – У меня все-таки есть магия, да? Ух ты.

Кадет издал звук, отдаленно напоминающий смешок. Он смотрел на застывшего Нила так, будто готов его проглотить.

– Ты? Конечно, нет. Ты хилый и слабый. Но, думаю, я догадываюсь, кто это. Знаешь игрока по прозвищу Медведь? Он как раз из той команды, с которой вы сегодня играете. И ты мне... – Он запнулся, но заставил себя это произнести: – Поможешь его поймать. А в обмен получишь то, к чему стремишься: свободу.

Нил приоткрыл рот, но так и не издал ни звука. Он еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным и хилым, таким одиноким и не вовремя улизнувшим из дома.

Четверть часа спустя Нил вышел на улицу и побрел домой. Монструм, высланный Кадетом в качестве сопровождения, взволнованно вился у его ног.

Воздух посветлел, приближалось утро. После того как Нил зашел к себе, монструм еще постоял у двери, а потом отправился восвояси: пятно тьмы на несуразно коротких ножках. Нил дождался, пока он точно скроется из виду, выскользнул обратно и бросился в сторону Изгороди.

К счастью, нюх подвел чудо-пса и на этот раз. Нил беспрепятственно добрался до стены, отделяющей Селение от внешнего мира, и, задыхаясь, остановился. Спина взмокла так, что рубашка прилипла. Изгородь уходила высоко вверх, перелезть было невозможно: верхний край уничтожал любой предмет, который через него перебрасывали.

Нил трясущейся рукой вытащил из кармана увесистый черный шарик, который дал ему Кадет. Шар нерушимого обещания, вот как это называется. Оказалось, так у Ястребов заключают сделки. Если Нил покажет эту штуку любому Ястребу после того, как Медведя поймают, тот обязан будет выполнить обещание, которое Кадет напечатал этой штуке: немедленно отпустить Нила на свободу.

– Твари крылатые, – выдавил Нил, подрагивая от страха, злости, разочарования, от всего, что годами не позволял себе чувствовать.

Он так бережно хранил аниму все эти годы, не ругался, не злился, не грустил, не боялся, никогда не позволял себе думать плохо даже о Ястребах. Нил был одержим тем, чтобы остаться хорошим, и вот куда это привело: золотая магия все-таки есть, только не у него. Ястребы хотят, чтобы он подставил бедолагу, а если не подставит, ему самому конец.

В мире до нашествия такого никогда не произошло бы, там хороших всегда награждали, плохих наказывали, а мечты исполнялись. Этот мир жил по законам анимы, светлой стороны души, которая становится сильнее от добрых чувств и поступков. Надо только не пускать в свое сердце Тень, не совершать зла, и твоя анима будет сиять, как солнце, а ее мощи хватит на что угодно.

А потом пришли Ястребы, и вдруг выяснилось, что обратная сторона души, Тень, тоже может порождать магию, холодную и темную, но мощную, как удар граблями по лбу. Говорят, Ястребы когда-то были людьми, но служение Тени превратило их в чудовищ, вот они и закрывают нижнюю половину лица. Их магия питается страхом, гневом, печалью, и под ее натиском мир золотой магии, хрупкий, как яичная скорлупа, рухнул. Нил закусил губу, чтобы не вспоминать. Он был совсем мелким во время нашествия, но главное помнил даже он. Ястребы захватили чужие земли, уничтожили все, что работало на золотой магии, убили всех добрых магов и забрали детей, чтобы они...

Нил сжал стеклянный шарик и быстро, чтобы не передумать, швырнул его через Изгородь. Долетев до верха, тот разорвался на сотню искр и исчез. Нил сгорбился и уперся ладонями в колени. Мир Ястребов работал по правилам, и эти правила вряд ли предполагали, что он выбросит свой единственный шанс на спасение. Кадет, скотина, не учел одного.

– Я не раб, – процедил Нил, с удивлением чувствуя, что сейчас заплачет. – Скотские вы уроды, я не раб.

Он прижал ладонь ко рту, чтобы уродливые, непривычные всхлипы, которые царапали ему изнутри грудную клетку, не вырвались наружу. Нет, нет, грусть – не выход, а то он ноги протянет и без участия Ястребов. Он много раз видел, как люди сами себя иссушают слезами – у золотых народов анима по-прежнему слабеет от любых плохих чувств.

– Все хорошо, ты хороший, – тихо сказал Нил и потрепал себя по плечу, стараясь не думать о том, что более жалкое зрелище даже вообразить трудно. – Ты справишься.

Как ни странно, помогло: плохое чувство разжало хватку, и он хотя бы смог дышать. Нил кожей чувствовал, что до побудки совсем немного времени, и со всех ног бросился дальше: нужно было успеть кое-что еще, прежде чем прозвонит колокол.

Команда Медведя, «Снежные вершины», жила в доме номер пять. Нил протиснулся в приоткрытую дверь, оглядывая знакомую картину: двадцать человек мирно спят на своих матрасах, укрывшись одинаковыми одеялами.

– Эй, Медведь, – шепотом позвал Нил.

Никто не шевельнулся. Игра выматывает, после нее все спят как убитые почти сутки – до следующей игры. Нил пошел вдоль ряда спящих, выискивая, чьи ноги торчат из-под одеяла дальше всего, – Медведь отличался огромным ростом. Ага, вот и он! Нил присел и встряхнул его за плечо. Трясти пришлось долго, и наконец глаза Медведя, припухшие со сна, с трудом приоткрылись.

– Что? – хрипло спросил он, шурясь в полумраке. – Ты кто такой?

– Номер Шесть Четыре Пять Два, из команды «Непобедимые».

– Тот криворукий придурок, который ни одного боя не может выиграть? – простонал Медведь. – Пошел вон отсюда.

– Эй, слушай. Я знаю, кто ты.

– Чего?

– Знаю твой секрет. – Нил подмигнул на случай, если до Медведя не дошло. – Не бойся, я на твоей стороне. Они узнали, что ты здесь, и хотят тебя поймать во время игры. Если ты можешь сделать что-то такое, ну, волшебное, делай прямо сейчас.

– Да что ты несешь? – Медведь попытался отвернуться. – Который час?

– Ты ведь можешь освободиться? – Нил оглянулся. Ему вдруг показалось, что кто-то следит за ними. Все вроде бы спали, но ощущение взгляда в спину не исчезло. – Слушай, возьми меня с собой. Пожалуйста, я все сделаю, буду тебе лучшим помощником!

Медведь посмотрел на него, как на сумасшедшего. Хорошо же этот здоровяк, оказывается, умеет притворяться! Раздражение он изображал просто блестяще.

– Ладно, я понимаю. – Нил через силу улыбнулся, не давая себе грустить. – Все, я пошел, а ты скрывайся быстрее. За меня не волнуйся, я никому не скажу, что ты сбежал.

– О да, а то я так за тебя волновался, – проворчал Медведь и толкнул его в плечо. – Проваливай, придурок, спать не мешай.

– Удачи, – выдохнул Нил и бесшумно бросился к двери.

Он постоял на улице, надеясь перехватить Медведя, когда тот выйдет, но в доме было тихо. Ладно, золотому стрижу лучше знать, когда лучший момент для побега. Нил подавил вздох и кинулся домой. Не так он себе представлял героя, который всех спасет, но уж ладно, выбирать не приходится.

В его доме было тихо, все спали. Нил рухнул на свой матрас. Сердце быстро колотилось, и даже сил как будто прибавилось. Странно: холод Ястребов отнимает аниму, а он за это утро надрожался на месяц вперед, но почему-то чувствовал себя отлично. Нил сонно представил, как Медведь взмахивает своими могучими ручищами и из них вырываются золотые искры, Изгородь рушится, а за ней – лес, и цветы, и свобода.

Что именно он сделает, когда вернется домой, Нил придумать не успел – на Селение обрушился звон колокола, оглушительный и настойчивый, как головная боль. Наступило утро.

Глава 2

Стриж

Из-за стены доносился рев зрителей, а в раздевалке было тихо. Команда «Непобедимые», не оправдывая своего названия, тряслась, как зайцы. На Нила все смотрели так, будто он предложил выйти на арену голыми.

– Ты? – повторил Кирпич. – Ты – против «Снежных вершин»? Да ты даже у нас в команде на последнем месте по очкам! А наша команда – и так на последнем месте!

– Ну, значит, и терять нам нечего, – с жаром сказал Нил. – Слушайте, я прямо чувствую, что сегодня – мой удачный день!

Все с сомнением переглянулись, а Нил расправил плечи, безуспешно пытаясь придать своей хилой фигуре молодежавый вид. Вызваться на бой ему велел Кадет, и хоть в этом Нил собирался его послушать: Медведя, конечно, уже след простыл, но лучше делать вид, что он не имеет к этому отношения. Прикинется удивленным, что Медведь не явился, вызовет на бой кого-нибудь другого, быстренько проиграет, и это уже будет неважно, потому что сегодня, конечно же именно сегодня, теплым летним – где-то за Изгородью – днем Медведь спасет их всех. Иначе какой же он золотой стриж?

– Идемте, ребята, – сказал Нил, окидывая взглядом девятнадцать невеселых, бледных лиц.

«Непобедимые» так выглядели каждый раз, когда была их очередь играть. «Вершины» сейчас небось бьют себя кулаками в грудь и выкрикивают: «Вперед, к победе!» Нил зашагал к выходу, почти с нежностью оглядывая раздевалку. В этом узком каменном зале членам команды полагалось надевать на рукав повязку своего цвета – в их случае зеленого – и обсуждать стратегию игры, чтобы не подслушал никто из конкурентов. Стратегия команды «Непобедимые» обычно заключалась в подавленном молчании и бесконечном повторении фразы «Мы все равно проиграем». Игроков каждый год перетасовывали, чтобы никто не успел подружиться, но эта команда была для Нила самой подходящей из всех. Обычно на него злились за то, что он вечно проигрывал, а тут все были как из одной большой семьи: слабаки, неудачники и паникеры.

– Команда «Непобедимые»! Встречайте яростным криком! – бесцветным ястребиным голосом возвестил где-то снаружи Мастер Игры.

На трибунах затопали ногами, взревели громче, и Нил первым шагнул из коридора на свет.

Игра была устроена очень просто. Селение – это шесть Ястребов и несколько сотен представителей освобожденных народов: парней от двенадцати до двадцати с чем-то лет. В начале года Ястребы делили их на команды и составляли расписание игр. Каждый день – один поединок двух игроков из разных команд. Выигрыш приносил очки, проигрыш отнимал. Все, кто в тот день не выступал, подбадривали игроков с трибун криками вроде «Давай, врежь ему!», а Ястребы следили, чтобы все злились как следует и не отлынивали. В конце года начиналось самое интересное: игроки команды, у которой больше всего очков, начинали сражаться между собой, пока не останется всего один победитель. Он получал главный приз: его выпускали на свободу. Потом команды снова перемешивали, и все начиналось снова. Друзей тут не заведешь, все следили друг за другом, как волки за козами: любые знания о других, любые их слабости могли пригодиться, потому что однажды бывшие союзники обязательно станут противниками.

Когда «Непобедимые» вышли на арену, с трибун в них полетели мелкие камешки – так обычно приветствовали слабые команды. Нил покосился туда, где сидели Ястребы. Неподвижно, все шестеро в ряд, у каждого в руках трофеи – то, ради чего они все тут и собрались. Обычно трофеев было два-три, но сегодня Нил успел разглядеть перстень с ярким камнем, меч, кубок, полотнище темной ткани и пару каких-то невиданных штук. Глаза Ястребов между капюшонами и масками были пустые, как всегда, но Нил сегодня понял, как выглядит у Ястребов волнение, – как потеря контроля над монстром. И, похоже, они здорово беспокоились: черные щупальца Тени за спиной Господина Черепа колыхались бодрее, чем обычно, здоровый теневой пес, сидящий у ног другого Ястреба, тяжело дышал, а уж собачонка Кадета вообще не находила себе места.

– Кто будет сегодня отстаивать вашу честь? – спросил Мастер Игры, наклонившись к «Непобедимым» со своего возвышения.

Теневая птица, сидевшая у него на плече, нахотлилась и впустила перья, когда Нил шагнул вперед. На трибунах сдавленно охнули: Нил еще ни разу в жизни не вызывался играть сам.

– Номер Шесть Четыре Пять Два, стоимость – один балл, – невозмутимо сказал Мастер Игры, посмотрев в лист бересты перед собой. – А теперь встречайте – команда «Снежные вершины», фавориты! Ревем!

Народ яростно вскинул вверх кулаки, а Нил замер как вкопанный. Медведь был на месте. Шагнул себе во главе команды, самодовольно оглядывая трибуны. Почему он еще здесь? Нил попытался поймать его взгляд, понять, что ему делать, но Медведь будто забыл про него.

– Выбирай противника, – сказал Мастер Игры, повернувшись к Нилу.

Ему пришлось повторить еще раз с тем же железным, брякающим акцентом, прежде чем Нил расслышал его за шумом в собственных ушах. Медведь, наверное, придумал что-то очень умное, иначе почему он еще здесь?

– Я... – Нил сглотнул, а трибуны тут же начали передразнивать его неуверенное бление, – выбираю Медведя.

– Номер Пять Один Пять Ноль, стоимость – двадцать баллов, – невозмутимо возвестил Мастер Игры.

Медведь вытаращился на Нила, от удивления забыв даже засмеяться. «Непобедимые» от ужаса схватились за головы.

– Ты рехнулся? Мы двадцать очков потеряем, а это, считай, все, что у нас есть! – простонал Крепыш у Нила за спиной.

Самый успешный член команды стоит двадцать очков, самый слабый – единицу. Если побеждаешь, твоя команда получает столько очков, сколько стоил противник, проиграешь –

столько же очков вычитают из вашего счета, так что разговоры обычно крутятся вокруг того, кого лучше выбирать: равного тебе, сильнее или слабее? Рискнуть и получить больше или выбрать кого-нибудь подешевле?

У Нила таких проблем не было – он годами оставался единицей, так что сражался только с неудачниками и без угрызений совести им проигрывал: хорошие бойцы не будут размениваться на бой, который принесет всего единицу. Нил берег аниму, а остальные готовы были драться до последней капли сил, чтобы выиграть и вернуться домой. Каждый год в процессе кто-то иссыхал сам, растеряв всю аниму, но команды пополняли, откуда-то всегда появлялись новые дети.

И ни разу еще такого не было, чтобы единица выбрала двадцатку, ведь исход такого поединка ясен сразу. Вздурораженные трибуны заходились таким свистом, что трофеи начали наполняться Тенью еще до начала игры: перстень заблестел ярче, ткань вздулась и опала, будто задышала. Оказавшись там, где много теневых чувств, сделанные ястребиными мастерами предметы напитываются ими и обретают волшебные свойства, нужные Ястребам. А арена – это место, где всегда есть чем поживиться: бой, крики, ярость, страх, злость победителей, разочарование проигравших.

– Выбирай, – сказал Мастер Игры и махнул рукой в сторону стола с игровым оружием.

В обычный день Нил выбрал бы браслет правды, как самое безобидное оружие, – хоть интересно, о чем спросят. Но тут, чувствуя затылком взгляд Кадета, он потянулся к плети отчаяния, как тот и велел. Медведь разочарованно взял вторую плеть, проводив жадным взглядом меч ярости, лежавший рядом.

Нил сжал в руке плеть и чуть не ахнул от того, какая же она холодная: снаружи это незаметно, но Тени в ней полно, это уже не игровое оружие, настоящее, – Кадет выполнил обещание.

«Я усилию ее во много раз. Всего один удар, и он побежден», – сказал утром Кадет.

Что же делать? Медведь отлично изображал увлеченность игрой – проигрывал плетью, кланялся трибунам, – а лучше бы подал Нилу знак, как быть. Остальные члены команд уже отошли на свои скамейки, на круглой каменной арене остались только Нил и Медведь.

– Поддержите воинов, пусть ваш яростный рев слышат даже за Изгородью! – объявил Мастер Игры и приготовился записывать количество очков. – Бой номер два один три объявляю открытым.

Медведь не зря был фаворитом – Нил даже подумать не успел, а тот уже подскочил к нему и хлестнул плетью по плечу. Больно не было, веревки мягкие, только холодно.

– Какой у тебя план? – отчаянно зашептал Нил, пятясь назад.

– План? Показать тебе, где раки зимуют, единичка, – разозлился Медведь. – Думал, отвлечешь меня с утра своими бреднями и я тебе проиграю?

Говорить во время боя не запрещалось – игроки всегда старались задеть друг друга словами, чтобы заставить пропустить удар. Плеть попала Нилу по шее, и он зашипел от холода. Свое оружие он даже поднять не пытался.

– Из-за тебя я потерял свою очередь выбирать противника, – процедил Медведь и снова стегнул его плетью. – А теперь ради одного балластавляю себя идиотом, трачу свою мощь на такую козьявку! Я, который двадцатку мог бы заработать! Тебе жить надоело?

Краем глаза Нил заметил, что трофеи сияют все ярче, – похоже, злости у Медведя было на троих. У Нила заныло под ложечкой: что-то тут было не то, что-то очень простое, но он не понимал.

Он растерянно посмотрел на трибуны – искаженные лица, крики: «Медведь, размажь его!» А вдруг и нет никакого стрижа и это все – какой-то злой розыгрыш? Плеть ударила снова и снова, Медведь не скупился, и до Нила наконец начало доходить, что делает это оружие: он,

который никогда не давал воли отчаянию, с каждым ударом чувствовал его все сильнее. Плеть по кусочку отнимала аниму, оставляла только Тень: безнадежность и страх.

Он все равно проиграет. Нет никакого стрижа и никакой золотой магии. Он останется здесь, и никто его не спасет. Останется здесь навсегда.

– Медведь, пожалуйста, скажи, что мне делать, я все сделаю, – пробормотал он. Язык заплетался, словно холод добрался уже и до него. – Ты же волшебник!

– Ты свихнулся? – Медведь яростно хлестнул его по груди, и у Нила сжалось сердце. – Дерись, не стой столбом!

Нил посмотрел на чудо-плеть в своей руке. Сейчас Медведь не ожидает атаки, все получится.

«Надо застать его врасплох. Золотая магия хитра и непредсказуема, она всегда защищает носителя, и, если бы мы пришли за стрижем сами, она бы его спасла, – объяснял утром Кадет. – Ты должен нанести всего один удар».

Вот только если Кадет ошибся и Медведь обычный парень, такой удар иссушит его на месте. А если Медведь все же тот, кто всех спасет, этот удар отнимет огромный кусок его анимы, и он не сможет сопротивляться, когда его схватят.

В глубине души всегда знаешь, как поступить, главное – не думать слишком долго. Поэтому Нил разжал руку, и плеть упала на камни.

– Если ты можешь что-то сделать, пожалуйста, делай сейчас, – выдавил он.

Медведь в ответ дал ему плетью по коленям так, что Нил растянулся на камнях. Шум вокруг медленно сливался в однородный гул.

– Подними ее и дерись! – прошипел Медведь. Он не привык к таким скучным, бездарным, коротким играм. – Слабак, ты идиотом меняставляешь! Бейся!

Нил перекатился на спину и поднял руки – знак того, что сдается, но Медведь ударил его снова, с искаженным лицом, будто не мог остановиться. Кто-то с трибун крикнул: «Ты чего, последнюю аниму выбьешь!», остальные жаждали, чтобы Медведь продолжал, трофеи все ярче горели холодным злым светом. Если бой настолько выходил из-под контроля, его останавливали и делали предупреждение, но сейчас Мастер Игры молчал.

– Медведь, ты же не такой, – забормотал Нил и вдруг понял, что не сможет подняться, даже если захочет, – все тело налилось холодной тяжестью. – Не... Не надо.

Мама когда-то учила его, что в каждом есть что-то хорошее. Это было до того, как их землю захватили, но Нил продолжал в это верить, потому что мама верила, и если только он перестанет, то больше никогда не найдет к ней дорогу.

– Ты не такой, – с заложенным носом повторил он. Сердце билось все медленнее, словно на грудь ему положили что-то тяжелое. – Эй, ты же хороший парень.

– Хороших парней здесь давно уже нет, – выдавил Медведь. – И я отсюда выйду. А ты – вряд ли.

И откуда-то из глубины тупой, холодной печали, в которую каждый удар погружал его все глубже, Нил подумал: «Медведь не виноват». Все они тут обзлюлись, и никакого золотого стрижа здесь нет и быть не может, да и хороших парней, наверное, тоже. Бой закончится, все съедят по миске еды и разойдутся, продолжая обсуждать игру, и проспят до пробудки следующего дня, неподвижные, как камни.

Медведь занес плеть с такой силой, что она со свистом рассекла воздух, и Нил зажмурился. Под веками что-то вспыхнуло, его окатило теплом, и он был уверен, что это конец, но удар так и не достиг цели. Медведь глухо вскрикнул, а потом вокруг стало совершенно тихо, и Нил приоткрыл глаза.

В воздухе висело теплое золотое сияние, будто подсвеченная солнцем пыль. Медведь стоял, глупо вытаращив глаза и уронив плеть на камни. Нил сощурился – он давно не видел

таких ярких красок. Потом он с удивлением понял, что ему больше не холодно, как будто что-то согревает его изнутри. А потом до него дошло.

Он медленно опустил взгляд и посмотрел на себя. Сияние исходило от него, окутывало золотистой дымкой.

– Ого, – сказал он и, наверное, сказал бы что-нибудь еще, но тут к нему скользнула мерзкая масса черных щупалец, шмякнулась на него всем своим весом и прижала к камням.

Монструм Господина Черепа был таким холодным и отвратительно скользким, что Нил съежился, в слепой панике вжимаясь в камни. Кто-то с нечеловеческой силой схватил его за запястье, и он всхлипнул от облегчения – ему показалось, что рука сейчас выдернет его из-под этого отвратительного студня. Но рука застегнула у него на запястье что-то металлическое, ужасно тяжелое, и только потом рывком подняла на ноги. Нил вскинул глаза, трясаясь как осенний лист. Рядом стоял Кадет. Нил даже не думал, что его безжизненный взгляд в принципе способен выражать такое торжество.

– Это браслет смертельного холода, – громко объявил Кадет. – В нем ты не опасен.

Нил и не собирался быть опасным, он только стоял и думал о том, как больно эта тяжеленная штука оттягивает руку. Золотое сияние в воздухе медленно осыпалось, сияющие крупинки гасли.

– Золотой стриж – это я? – заплетающимся языком начал Нил. Его отупевшие от многолетней рутины мозги не способны были соображать с подходящей для такой ситуации скоростью. – Тогда зачем ты...

– Конечно ты, кто еще это мог быть? – сказал Кадет. Он говорил так, словно хотел, чтобы его слышали все, до последнего ряда трибун. – Я сразу понял это, когда услышал пророчество. И разработал план, который позволит убедиться в этом, а также обезвредить тебя на глазах всего Селения.

«Вот гад», – беспомощно подумал Нил, но даже в этой мысли не было настоящей злости: теплое, щекочущее чувство в груди так и не исчезло, оно отвлекало от осознания беды.

– А почему я Изгородь уничтожить не мог? – все-таки спросил он.

– Потому что у тебя не было золотой магии, – хвастливо, с удовольствием ответил Кадет. – Ты копил аниму. Видимо, очень долго. И накопил очень много. Но из курса по золотой магии в Академии я знаю, что анима превращается в золотую магию, только когда совершаются какие-то определенные поступки. У вас тут обычно нет повода их совершать, и я дал тебе повод. Мой монструм следил за тобой, он умеет быть незаметным, если надо. Ты выбросил шар. Предупредил Медведя. Не использовал оружие. Основа золотой магии – это доброта, самоотверженность и любовь к жизни, своей и чужой. – Кадет скривился, будто ему даже говорить такие слова неприятно. – Ты поступил в соответствии со своим кредо, а я выполнил задание Тени – не дал предсказанию сбыться.

Он обернулся, и Нил кое-как повернулся вслед за ним. Рядом стояли все Ястребы, слушая Кадета так, будто он выступал на собрании, и они вполне одобряли его сообщение. Нила прямо затошнило от того, что они даже сейчас выглядели такими же замороженными, как обычно, разве что монструмы у их ног слегка волновались. Дать бы им всем по их затянутым масками физиономиям.

– Поэтому сегодня на игре так много ценных трофеев. Вы почувствуете большую печаль, и они наполнятся, – сказал Кадет, обращаясь к зрителям на трибунах. Те стояли, вскочив со своих скамеек, и Нил ясно, как никогда, заметил, что добрая половина из них – совсем дети. – Этот игрок – золотой стриж. Последний обладатель вашей магии, последняя надежда ваших народов, тот, кто должен был спасти ваши земли от нас. Попрощайтесь с ним.

Ястребы одобрительно кивнули.

– Ты волшебник? – спросил Медведь, до которого, похоже, наконец-то дошло.

Нил хотел ему улыбнуться, чтобы Медведь понял, что он на него не злится, но от этого мерзкого браслета холод полз по всему телу, оттесняя тепло глубже, и лицо больше не слушалось.

Ноги подогнулись, и он упал на камни, вдруг подумав о том, что где-то под ними, глубоко под ними – земля, дающая силы всему живому. Земля, которую он больше никогда не увидит.

– Пожалуйста, – пробормотал он, распластав руку с браслетом по камням, – я хочу домой.

Сознание путалось, уплывало, но на секунду он будто превратился в абсолютную, бесконечную надежду. И ничего не произошло.

Нил тупо смотрел, как серебристый браслет на его руке начинает сиять сильнее. Когда вся твоя жизнь принадлежит Ястребам, нечего удивляться, что она так заканчивается. Его надежда ничего не стоит, его никто не спасет, и сердце как будто сплющивалось, становилось сухим и старым, лишенным радости, и жизни, и волшебства, потому что все это – одно и то же.

Вот он, момент, когда все заканчивается. Финал истории, бесславное прощание, ни ясности, ни откровений. Но эта история – о земле, которая все еще была полна волшебства, о земле, населенной не только людьми.

И это – момент, когда все началось.

Там, где неподвижная, заледеневшая рука Нила прижималась к черным камням, что-то вдруг ударило о плиты с другой стороны, будто огромная ладонь пыталась соприкоснуться с его ладонью сквозь слой камня, который их разделял. Пол арены задрожал, а удар повторился снова, и снова, и снова. Каменные плиты начали трескаться, вокруг закричали, свет стал каким-то странным, и Нил даже нашел в себе силы перевернуться на бок, чтобы посмотреть, в чем дело.

Когда пол треснул, похоже, сломалось что-то в защите, которую Ястребы наложили на Селение. В безжизненном сером небе, которое годами не меняло цвет, появилась прореха, и она ширилась, открывая полосу голубого неба. Толчки из-под земли прекратились, и теперь игроки на трибунах, Медведь, Ястребы – все смотрели вверх, запрокинув головы. Нил внезапно нашел в себе силы сесть. Браслет по-прежнему оттягивал руку, но Нил запоздало понял то, что за пеленой страха как-то не дошло до него раньше: он может освободиться, если захочет. Магия этой злобной штуковины сильна, но не сильнее, чем он.

Поэтому Нил схватил свободной рукой браслет и рванул его с запястья. Он чувствовал, что ладонь у него теплая, и от этого тепла браслет раскрылся, словно был сделан не из металла, а из древесной коры. Осколки упали на искореженный пол, и Нил рассмеялся. Он попытался встать, но грудь кольнуло такой яркой, молниеносной болью, что в глазах потемнело, – видимо, последние силы ушли на борьбу с браслетом. Краем глаза он видел Ястребов, которые подходят к нему, обступают со всех сторон, и разрешил своему телу провалиться в сон, из которого вернуться не надеялся.

Но он вернулся.

Глава 3

Та, кого ты позвал

Нил пришел в себя и долго смотрел в темноту. Он лежал на чем-то – какая неожиданность – холодном. Голова трещала, ныли руки, связанные за спиной, но в остальном Нил вроде был цел. Он повторил это мысленно несколько раз, чтобы прибавить себе мужества, но прибавляться оно что-то не желало. Непросто быть мужественным, когда валяешься в крошечном темном помещении, где единственный источник света – это контур запертой двери.

Холод тут стоял лютый, и, потрогав щекой пол и стены, Нил сообразил почему. Все здесь было выложено тем же камнем, из которого сделана Изгородь: гладким, ледяным, забирающим аниму. От этой новости Нил окончательно сник. Все, что произошло на игре, казалось далеким и фальшивым, – будто не он избавился от браслета и расколол небо над Селением, а его храбрый удачливый двойник, который теперь растворился без следа.

Нил знал всего один способ решить любую проблему: сделать вид, что ее не существует, и ждать, пока она действительно не перестанет существовать. Не выходит с магией? Пробуй дальше. Оказался в одной команде с редкостным козлом? Жди нового сезона. Простудился холодной зимой? Жди весны. Поэтому Нил лег, кое-как пристроив неудобно вывернутые руки, и стал мечтать, чем бы их сегодня покормили, если бы игра прошла как обычно. Может, супом. Может, даже рыбой. А скорее всего, разваренной пшеничной кашей.

Он почти успел забыть, где находится, когда вдалеке раздался шум. Сначала Нил решил, что за ним пришли Ястребы, и сделал вид, что спит, как будто это заставило бы их уйти. Но тут до него дошло кое-что очень странное: звук доносился не из-за двери, а снизу, словно в толще земли шевелились и стучали друг о друга камни.

Пол треснул. Нил быстренько на это глянул и зачем-то прикинулся спящим еще более старательно. Если вылезет жуткая тварь, лучше не знать.

Каменные плиты пола со скрежетом разъехались, запахло влажной землей, зашуршало что-то похожее на листья: тихий древесный звук. Нил вдруг ощутил присутствие – никто не пытался его проглотить, но кто-то определенно смотрел на него, и это было так страшно, что он задержал дыхание, надеясь, что жуткое чувство уйдет.

Не ушло.

– Поздравляю, мертвого ты изображаешь отлично, – сказал голос, хриловатый и высокий одновременно. – А теперь сделай ровно наоборот.

Чего от него хотят, Нил не понял и обдумывать не стал. Куда больше его взволновал голос – он когда-то слышал такие же высокие ноты, когда-то очень давно.

А потом он сообразил. Голос был женский.

Нил сел так резко, что едва не треснулся головой о низкий потолок. Женщины – это мама, бабушка, соседки и их дочери, они все хорошие и ничего плохого не сделают. От той, которая появилась в этой клетушке, его отделяла широкая трещина в полу, множество растений, с чего-то облепивших все вокруг, и густая темнота, но да, да, это определенно была женщина: длинные волосы, юбка до пола. Она сидела в углу, подтянув к груди колени, и в упор смотрела на Нила – глаза разглядеть не получалось, но от взгляда мурашки по спине бежали: прямой, тяжелый, как у Мастера Игры, заметившего нарушение правил.

– Мне холодно, – заявила она так, будто он в этом виноват. – И темно. И я не разговариваю со связанными. Особенно с теми, которые держат в руке ключ от свободы, но предпочитают валяться и жалеть себя.

Нил пошевелил застывшими пальцами. Никакого ключа в них не было. Женщина вздохнула.

– Хороший ты парень, – сказала она. – Но тупой, прости меня, как дерево.

Нил перебрал в голове ответы один другого хуже: «Я не тупой», «Вы кто?», «У меня нет ключа», «Деревья не тупые» – и заставил себя промолчать, чтобы не позориться. И плечи расправил, насколько позволяли низкий потолок и связанные руки.

– Желания – основа магии. – Гостья вдруг подалась вперед и тронула его плечо. Нил вздрогнул всем телом. Последние десять лет к нему прикасались только на игре и только оружием. – Чтобы освободиться, нужно этого захотеть. Вот так все просто. Особенно для тебя.

– Я... – Нил прокашлялся, но голос звучал жалко и тихо. – Я правда волшебник?

– Нет, это была забавная шутка, – фыркнула она. Серьезные глаза улыбнулись, рука ласково сжала его плечо. – Нужно выбираться, пока это место тебя не прикончило. Постарайся, хорошо?

И он постарался.

Теплое прикосновение. Добрый голос. Улыбка в полутьме. Ему хотелось суетиться, делать глупости, производить впечатление, говорить с ней и чтобы она улыбалась, постоянно улыбалась вот так. Нил вдруг почувствовал то, что отняла у него эта ледяная комната, выложенная волшебным ястребиным камнем. Он почувствовал себя мучительно живым.

Веревки больно впивались в кожу, и Нил сосредоточился: эта боль и еще другая, в затекшей спине, ровное биение сердца, прохладный воздух на лице. Давай, болван, не зря ты столько лет тренировался, не так уж все и плохо. В груди потеплело, тепло скользнуло в руку, и Нил, не думая, что делает, осторожно подцепил веревку на запястьях. Та неожиданно потянулась за его пальцами, мягкая и липкая, как смола. Нил содрал ее с себя и поднес к глазам. Обрывок был по-прежнему похож на веревку, но в волокна вплетались тонкие золотые нитки, которые гасли прямо на глазах, осыпались, как цветочная пыльца.

– Хорошо, теперь сделай посветлее, – подбодрила гостья. – Я долго тебя искала, хочу разглядеть.

Нил сосредоточился на ее словах и потерял руки друг о друга. Между ладоней проскользнули искры, потом руки засияли, словно он измазал их золотой краской. Настоящий волшебник, наверное, смог бы превратить это сияние во что-то осязаемое, но Нил понятия не имел, как это сделать, и просто размазал его по стене.

От соприкосновения с камнями, наполненными Тенью, сияние едва не погасло, но Нил держал руку, пока золото не вспыхнуло снова, не пропитало камни, яркими прожилками пере-

текая с одного на другой. Его кто-то искал. Долго. Эта мысль обжигала так, что сияние расплзлось по всем стенам и потолку, переплетаясь с растениями.

Пол, видимо, пробили вот эти крепкие стебли, похожие на исполинский выюнок. Нил завороченно провел по ним рукой. Он с детства не видел растений. На ощупь они были точно такими, как он помнил, – прохладными, влажными и живыми. Нил перевел взгляд на женщину – и замер, удивленно приоткрыв рот.

По голосу он представлял ее старше, но она была почти одного возраста с ним – и такая прекрасная, что Нил сглотнул. Его поразила даже не кожа, похожая на чистый, нетронутый снег, и не глаза какого-то яркого цвета, название которого он от потрясения забыл. Его порастил вызов, который был в каждой ее черте: во взгляде, в том, как она сидела, выпрямив спину и сцепив на коленях пальцы. О девушках он не знал совершенно ничего, но одно понял сразу: эта никому не покоряется и сама решает, что делать. И если она сидит рядом с тобой, значит, именно здесь она в данный момент хочет быть. По спине у Нила поползли мурашки. Несмотря на живое лицо и растрепанные рыжеватые волосы, было в этой красавице что-то зимнее, прохладное, навевающее воспоминания о сказках, о холодной воде и непокорных течениях.

– Ты озерная дева? – брякнул он, вспомнив мамины истории о повелительницах воды, которые превратят тебя в рыбку, если будешь купаться в неположенном месте.

Она задумалась так, будто этот вопрос требует тщательных размышлений.

– Если нужно, – наконец ответила она. – А теперь мой вопрос. Ты готов отдать ради своей земли самое дорогое, что у тебя есть?

Нил хотел было ответить, что у него даже сменной рубашки нет, но она его перебила:

– Ладно, давай-ка с самого начала. В этих краях есть всего одна земля, сохранившая золотую магию. Ястребы называют это место Квадрат Ноль Ноль и ломают об него зубы – или клювы, или что там у них, – уже десять лет. А попасть туда не могут. Это место защищает купол, который создал его дух-защитник, – он пожелал отдать за свою землю всю аниму, из которой был соткан, а такое рождает волшебство огромной мощи, его никакая теневая магия не берет. Но Ястребы пытаются – пророчества им обещали, что гибель их Империи придет оттуда, так что Магус отдал бы собственное крыло за тот клочок земли.

– Получается, все хорошо, да? – слабым голосом спросил Нил, чувствуя, что надвигается какое-то «но».

– Нет, – отрезала гостья. – Потому что и купол, и магия самой земли обещали. Они не пополняются анимой и очень скоро исчезнут. И тогда Ястребы сделают то, что проделывали на каждой захваченной территории: найдут место силы, питающее магией этот край, и заберут его себе. Превратят землю света в землю Тени, ясно? Жители больше не смогут им сопротивляться, существа и места-помощники исчезнут, единственный оплот золотой магии падет.

Нил сглотнул. Не настолько он был тупой, чтобы не догадаться, куда движется разговор.

– Я должен пойти туда и отдать земле самое дорогое. Аниму. Тогда силы к ней вернуться. Красавица одобритительно кивнула и сжала оба его запястья.

– Никто не рождается волшебником. Магию можно соткать только из самого себя, из своего сердца, а ты сохранил надежду и радость в самые темные времена. Если найдешь место силы и коснешься его, оно снова засияет в полную силу. Ты сохранишь последнюю землю доброй магии. Но будь осторожен: Ястребы ненавидят таких, как ты. Они постараются убить тебя или сделают кое-что гораздо хуже, а твои силы не бесконечны.

Вся эта речь слилась для Нила в приятный гул, потому что она продолжала держать его за руки, и от этого он чувствовал себя так, словно покачивается на волнах. Даже просиял от счастья. В буквальном смысле: уровень освещения в тесной клетушке резко скакнул.

– Ты все понял? – с нажимом спросила она, и меньше всего Нилу хотелось отвечать: «Нет, я болван и все прослушал».

– Э... Да. – Он прокашлялся. – Ты же мне pomoжешь?

– Справишься без меня. Не стоит недооценивать силу армии, состоящей из одного солдата. – Она улыбнулась так широко, что он увидел ее зубы: ровные, белые как мел. – Удачи, золотой стриж.

– Стой, – очнулся Нил. – А как я найду место силы? Она пожала плечами:

– Слушай свою магию, сердце и чутье, этого достаточно. Анима всегда знает, что делать.

– Хочешь, чтобы я пошел, сам не зная куда?

– Именно.

– Но это... – Ему вспомнилось любимое словечко Кадета, которое тот вворачивал всякий раз, когда Нил вел себя не по правилам. – Это же нелогично!

Она закатила глаза:

– У золотых народов холодная логика никогда не считалась добродетелью.

Это было полной противоположностью убеждениям Ястребов, и Нил почувствовал, что у него сейчас сломается что-то в голове. Не то чтобы он был большим поклонником ястребиной логики, но он учился существовать в ней, сколько себя помнил, а теперь ему советовали выбросить ее, наподдав ногой.

– Просто будь собой, это почетная роль, – прибавила она чуть мягче. – Сегодня ты поступил так, как велело сердце, и это были крайне неразумные поступки. Продолжай в том же духе. Это и значит быть живым.

Нил прерывисто вздохнул и наскреб в себе мужества задать главный вопрос:

– Могу я кое-что попросить? В награду?

Он ожидал чего-то вроде «Паршивец, спасение золотой магии – уже награда, заткнись и отправляйся», но она внимательно глянула на него:

– Конечно. Чего ты хочешь?

Ну, тут все просто. По-настоящему он жаждал только одного, невыполнимого.

– Снова увидеть маму. И все исправить.

– Хорошо, – легко согласилась она, так легко, что Нил растерялся. Он ожидал, что придется спорить, доказывать и умолять. – Ты найдешь ее там, где все закончится.

– Серьезно?

Она легонько улыбнулась. От этой улыбки Нил окончательно размяк и, кажется, немного влюбился.

– Серьезно. Встретимся, когда окажешься на свободе. Позови меня, и я приду.

– Но я же не знаю, кто ты такая и как тебя позвать, – выпалил он.

Она вежливо подняла брови.

– Ты уже меня позвал. Но в этом ужасном месте вы ведь не называете имен, правда? Выдумываете прозвища. Имя – это драгоценная собственность, которой не разбрасываются. Так что, пожалуй, придумаю прозвище и себе. – Она забавно побарабанила пальцами по губам. – Называй меня Весна. Это не мое настоящее имя, но в каком-то смысле оно правдивое. Удачи, Нил.

Она улыбнулась, как человек, который неплохо пошутил. И прежде чем Нил успел спросить, откуда она знает его имя, она крепче обхватила свои колени, сжимаясь в клубок, и платье, которое было на ней, вдруг опустело. Девушка исчезла без следа. Платье на секунду зависло в воздухе в той же форме – и упало на пол мятой тряпкой. Растения, оплетавшие стены, начали стягиваться обратно в трещину и скрылись, прошуршав под землей. В комнате остался развороченный пол, каменные осколки и запах зелени: свежий и острый, полный обещания чего-то нового.

Нил медленно выдохнул. Его потряхивало, в голове все плыло, мысли плавились. Прошло минут десять, прежде чем он сообразил, что между ним и счастливым финалом стоит одно небольшое препятствие.

Ястребы. Он у них в плену, и они, скорее всего, хотят его убить. А Весна сама ему сказала, что если постараются – получится. Наверное, он смог бы открыть дверь с помощью магии, но потом-то что? В Селении шесть боевых Ястребов, у каждого есть монструм, Изгородь защищена, ему не выбраться. Единственный способ выйти, не потратив всю аниму, это... Нил почувствовал, как рот складывается буквой «о».

Да почему, собственно, и нет?

Ястребы его обвели вокруг пальца, заставили поверить в историю с Медведем, так почему бы не надуть их в ответ? И Нил забарабанил в дверь, чтобы не дать себе передумать.

– Эй! – завопил он. – Выпустите меня, надо поговорить!

Дверь распахнулась так быстро, словно за ней все это время ждали. Ничего похожего на поворот ключа в замке Нил не услышал, но зачем Ястребам ключи, когда есть теневая магия?

Он зажмурился, ослепнув от внезапного света, а когда открыл глаза, понял, что стоит перед ним вовсе не Ястреб. Это был монструм одного из зрителей: мощная длиннопалая собака, не чета ушастому недоразумению, таскавшемуся за Кадетом. Глаза, едва заметные на вылепленной из тьмы морде, подозрительно оглядели золотые прожилки на стенах, и те тут же погасли. Хищная морда вошла в каморку, обнюхала стену и зарычала, обдав Нила ледяным холодом. Тот чуть было не выпалил: «Хорошая собачка», но за такие слова эта тварь его, наверное, сожрала бы на месте, так что он пробормотал:

– Ты – правильный пес. Злой, правильный пес.

Монструм спрятал зубы и замер, будто слушал какие-то инструкции в своей голове. Потом аккуратно цапнул Нила зубами за воротник и потянул. Нил зашипел от страха, но, похоже, вредить ему у пса не было распоряжений: он просто волоком тащил Нила за собой по полу с силой, удивительной для такого бестелесного существа.

Пес выволок его в коридор. Тут пахло успокаивающе, по-человечески: пылью и запустением. Нил вытянулся, расслабленно глядя, как собственные руки и ноги едут по полу. Пусть пес работает, у него – задание, а Нил пока отдохнет.

Нил вдруг заметил, как шевельнулись тени на стенах, двинулись за ними. Он не сразу понял, что это пять оставшихся монструмов: и щупальца, и собачка Кадета, все в сборе. Они опасливо скользили следом – наверное, их отрядили помочь собрату, если что-то пойдет не так. Ястребы, похоже, всерьез побаивались своего пленника. Нил фыркнул. Утром Кадет его убеждал, что никакой золотой магии не существует, – и вот как теперь обстоят дела.

Монструм толкнул носом дверь, втащил Нила в знакомое помещение, то самое, по которому утром плавали обломки каменной фигуры, – и бросил его на пол. Нил с опаской приподнял голову. Ястребы сидели и смотрели на него: у стола – главный, по обе руки от него – Кадет и Мастер Игры, остальные трое – у стены. Нил покосился через плечо. Монструмы столпились в дверях, сливаясь в неразборчивое облако тьмы. Видимо, им поручили отрезать путь к отступлению. Нил сглотнул комок страха, застрявший в горле. Ничего, ничего. Его ждет мама, и дом, и Весна. Ему есть за что сражаться, чтобы отсюда выйти.

– Недобрый день, – бодро сказал он и сел, засунув ладони под мышки: он и так промерз, а от этой веселой компании холодом веяло, как от льдины.

Ястребы сверлили его тяжелыми взглядами. Вид у них был бледный, уставший, как будто в его отсутствие они трудились не покладая рук.

– Можно вопрос? Почему вы меня не убили, когда я, ну... – Нил изобразил откинутую голову и высунутый язык. Когда болтаешь, не так страшно. – Вырубился?

Все посмотрели на Кадета с выражением: «Ты заварил эту кашу, ты с ним и разговаривай».

– Мы предпочли не пытаться, – нехотя ответил Кадет. Он выглядел каким-то растерянным, потрепанным, между бровей лежала тревожная складка. На Нила он смотрел, как на дикого зверя, с которым надо обращаться аккуратно, чтобы не разорвал на клочки. – Попытка

надеть на тебя браслет, забирающий аниму, привела к обрушению защитных чар вокруг Селения, и на восстановление нам пришлось потратить очень много Тени. Для повторного восстановления пришлось бы вызвать Магуса, а мы...

Тут Кадет подскочил, будто Господин Череп толкнул его под столом. На местном языке тот говорил с трудом, но понимал, кажется, сносно и теперь сверлил Кадета взглядом, явно предлагающим ему захлопнуть клюв. Кадет наклонил голову, молча извиняясь.

Нил лихорадочно подумал о том, как же ему повезло: птицы не знают, что его анима не бесконечна. Попытались бы убить – у них, как сказала Весна, получилось бы, но ястребиная осторожность спасла ему жизнь. За это он готов был расцеловать их в обе щеки, если, конечно, у них там под маской есть щеки, а не просто сгусток тьмы или что-нибудь ужасное.

– А... А остальные? – медленно спросил Нил. В груди противно сжалось. – Что с ними?

– Нам также пришлось потратить значительное количество Тени на заклинание забвения, – с каменным лицом ответил Кадет. – Они утратили воспоминания о твоём существовании и завтра продолжат играть в стандартном режиме. Игровую статистику и списки мы поправили.

Это оказалось куда более обидно, чем Нил ожидал. То, что Ястребы способны такое проделывать, его не удивило, но в глубине души он мечтал снова увидеть пораженные лица всех, кто застал его триумф на арене, – а оказывается, об этом помнят только Ястребы.

– И что теперь со мной будет? – спросил он, поморщившись от своего тонкого, полудетского голоса. Героям надо как-то бодрее разговаривать. Он прокашлялся и начал снова: – Что сделаете?

– Мы надеялись, Комната Страху тебя иссушит, – пояснил Кадет таким наставительным тоном, словно ждал, что Нил извинится за доставленные хлопоты. – Этого не произошло, и теперь нам придется вызвать Магуса. Он разберется с проблемой.

Судя по унынию, проступившему во взглядах остальных Ястребов, желающих переходить к этой части плана не было. Нил заставил себя выпрямиться. Надо было брать дело в свои руки, пока они не сообразили, что бояться его зря, в золотой магии ничего не понимают и, если постараются, оставят от него рожки да ножки.

– Не думаю, что этот ваш Магус со мной справится, – зловеще сказал Нил. Он уже понял, что залог безрассудной храбрости заключается в том, чтобы делать быстрее, чем успеешь подумать и струхнуть. – Меня вашими теневыми штучками не возьмешь.

Ястребы хмуро переглянулись, и Нил решил продолжать в том же духе: делать вид, что ему все нипочем. Вдруг сработает? Он решительно встал с пола, повернулся к двери и наставил палец на монструмов. Те взволнованно заколыхались, расступаясь.

– Придержите их, если не хотите лишиться своих зверушек, – потребовал Нил, замирая от собственной наглости. – Я уйду, и мы забудем, что видели друг друга. Никто не пострадает. Советую вам открыть для меня проход в Изгороди, а то я сделаю его сам.

Он дернул дверь на себя, и в ту же секунду ее залепила сеть из прозрачно-черных нитей. За спиной резко стало холоднее, и Нил обернулся. Господин Череп стоял, вытянув вперед руку. Монструмов в комнате больше не было – на их месте висело бесформенное черное облако с тремя парами глаз-прорезей, прямо паук без ножек. Похоже, нескольких монструмов при желании можно было слить в одного, раз уж они из одной Тени сотканы.

Тварь равнодушно смотрела на Нила всеми шестью глазами, и ясно было одно: чтобы разобраться с ним, ей не понадобятся ни лапы, ни когти, ни щупальца, она просто накроет собой, обернется вокруг и перетрет в муку. Нила передернуло. Ясно было, что посыпать эту мерзость щепоткой золотой пылицы не поможет, а что делают настоящие волшебники в таких случаях, узнать было негде.

– Мы не можем тебя отпустить, – траурным голосом заявил Кадет из-за спины начальства. – Рано или поздно Магус узнает, что здесь произошло. Проблема должна быть решена до его вмешательства, иначе... – Он запнулся. – Мы будем наказаны.

Ах, так вот в чем дело. Кем бы ни был этот Магус, связываться с ним не хотят даже собственные работники. Нила это вдруг развеселило – острый, неожиданно приятный укол злорадства.

– Ладно, – хрипло сказал Нил, миролюбиво приподняв руки. Не то чтобы он всерьез рассчитывал просто взять и уйти, но надо же было попробовать. – Не хочу, чтобы у вас были неприятности.

Он этого всей душой хотел, но куда больше мечтал выбраться из передраги живым и здоровым, а для этого Ястребов нельзя было злить. Те, кажется, вздохнули с облегчением – тварь распалась обратно на монструмов, и пес Кадета тут же уполз под стол.

– У меня деловое предложение, – выпалил Нил на диво твердым голосом.

Кадет подозрительно глянул ему в глаза. Нил прищурился, передразнивая его. После всего, что Кадет устроил с утра, проще простого было бы его ненавидеть, но Нил чувствовал разве что легкое раздражение. Ястреб оказался способен подставить тебя ради своей цели, надо же, какая новость.

– Я знаю, что вы хотите захватить Квадрат Ноль Ноль, – сказал Нил. – И я вам помогу. Ястребы аж подпрыгнули.

«Что ж я несу», – с каким-то восхищенным, лихорадочным ужасом подумал Нил и продолжил:

– Я знаю, как проникнуть внутрь, и знаю, где место силы. Без меня вам никогда туда не попасть. Но если вы позволите мне отсюда выйти и оставите в покое, я скажу, как это сделать.

Нил облизнул губы. Вранье таких масштабов уж точно не件лезно для анимы, но одно дело – быть честным, когда никто тебя не замечает, а другое – когда тебя жаждут убить. Наверное, даже золотым магам можно проявлять гибкость перед лицом врага.

– Откуда тебе это знать? Ты находишься здесь уже... – Кадет посмотрел в лист бересты, который быстрым движением протянул ему Мастер Игры. – Уже десять лет.

– Но я знаю, уж поверьте, – вдохновенно соврал Нил. – Давайте обменяемся? Вы меня отпустите и пообещаете не трогать, а я, когда выйду за Изгородь, скажу вам все.

В глазах Ястребов мелькнуло смятение: они не верили ни единому слову, но и от такой выгодной сделки отказаться не могли.

– Почему сам не можешь выйти? – логично спросил Кадет.

За ответ «Потому что у меня не так много сил, как вы думаете» он бы точно схлопотал какое-нибудь смертельное заклинание, поэтому сказал:

– Вы заботились обо мне десять лет. Благодарность – это традиция моего народа.

А вот этот ответ попал прямо в яблочко: Ястребы расслабились прямо на глазах. Похоже, именно такими великодушными болванами они золотых магов и представляли. Может, те такими и были, кто ж теперь знает.

Кадет поймал взгляд своего начальника, и какое-то время они смотрели друг на друга, быстро моргая, словно могли обмениваться мыслями без слов. Остальные наблюдали за Нилом, а тот смотрел в стену, чтобы они по глазам не прочли, как ему жутко. Пауза затянулась.

Внезапно раздался сдавленный звук. Кадет мотнул головой, отчаянно и резко, как игроки, которым прижимают оружие к горлу. В глазах у него был страх – чистый, совершенно человеческий. Господин Череп не двигался и не отводил взгляда. Кадет еще раз дернулся и притих, опустив голову. Похоже, вот так у Ястребов выглядели ссоры.

– Я не знаю, откуда тебе это известно, но нам действительно необходим Квадрат Ноль Ноль, – наконец проговорил Кадет, повернувшись к Нилу. У него заплетался язык, кулаки в перчатках сжимались и разжимались. – Но глупость не относится к нашим недостаткам. Мы не поверим тебе на слово и выпустим только при одном условии. Ты не скажешь, а покажешь нам, где это место. Отведешь туда одного из нас, чтобы мы убедились, что ты не врешь. А потом иди куда хочешь.

Нил сглотнул. Такого кошмара в его планах не было. В планах Кадета, очевидно, тоже.

– И кто пойдет? – спросил Нил, уже догадываясь, какой будет ответ.

– Я, – обреченно выдавил Кадет. Напуган он был, как ни странно, куда больше Нила. – Я знаю язык и изучал золотую магию в Академии. Ты должен взять меня с собой.

– А то что? – огрызнулся Нил, и от этого наглого, беспардонного вопроса у него сладко заныло в животе.

Ястребы отняли у него дом и все, что ему дорого, затолкали сюда, и, честное слово, он десять лет не злился даже на этих пернатых козлов, старался сохранить аниму и сохранил. Он так долго был хорошим, контролировал злость, не допускал ее до себя, и вдруг это стало не обязательно, и в этом была такая свобода, что он диву давался, как жил без этого раньше.

Ястребы тоже удивились – Нил готов был поспорить, что лица под масками вытянулись.

Господин Череп еще раз посмотрел на Кадета. Этот взгляд говорил, что с шутками пора заканчивать.

– Если ты не согласишься, нам придется обездвигить тебя до прибытия Магуса с помощью всей теневой магии, какая у нас есть. – Кадет покосился на Господина Черепу и обреченно закончил: – Даже если это будет означать потерю монструмов, имущества и сотрудников.

Нил вздохнул. Выбора нет, надо быстро соглашаться, пока они еще что похуже не придумали. Главное – выбраться отсюда, а там уж он скроется от Кадета с такой скоростью, что тот повернуться не успеет.

– По рукам, – сказал Нил, всем своим видом показывая, как им повезло иметь дело с таким сговорчивым добряком.

– По рукам, – эхом отозвался Кадет, покосившись на Господина Черепу. – Ты должен во всем слушаться меня. Довести до места, не угрожая моей жизни. Выполнить свою часть уговора, и тогда я тебя не трону. Но я владею теневой магией, и берегись, если ты...

– Да, да, само собой, – легко согласился Нил.

Плохое предчувствие, написанное на лице Кадета, превратилось во что-то вроде «Мне точно конец». Нил подбодрил его улыбкой. От этой улыбки переносица Кадета побледнела окончательно.

Господин Череп сделал сложное движение рукой, и черная паутина, залепившая дверь, исчезла. Кадет шагнул к двери и затравленно обернулся на остальных, как будто ждал, что кто-то из них велит ему остановиться, скажет: «Что за глупости, ты не обязан никуда идти, мы пошутили». Не дождался: все с облегчением выдохнули и, кажется, были вполне довольны, насколько Ястребы вообще могут быть довольны хоть чем-то.

Нил выскользнул за дверь первым. Он понятия не имел, в какую сторону идти, просто хотелось показать: он такой храбрый и непобедимый, что не боится повернуться к врагам спиной. На самом деле боялся, но, к его бесконечному облегчению, ничего не произошло. Кадет брел следом, тяжело вдавливая ноги в пол. Монструм еле слышно поскуливал, замыкая их радостную процессию.

Сойдя с крыльца, Нил остановился. Небо починили, день был таким же серым, как всегда.

– Подумать только. Я выйду отсюда, даже не выиграв игру, – пробормотал Нил, слушая, как переминается с ноги на ногу Кадет у него за спиной. – А ты говорил, что нет. Получается, и вы, ребята, когда-нибудь да ошибаетесь.

Кадет замер рядом, озадаченно вглядываясь в его улыбающееся лицо.

– Я тебя не понимаю, – наконец выдавил он. – Ты не боишься, хотя твое положение так же опасно, как наше.

Нил пожал плечами, чувствуя в груди щекочущее тепло анимы, сильное, как никогда. Он и так всю жизнь надеялся на лучшее, но сейчас силой его веры в счастливый исход можно было пробивать стены.

– Дорогу показывай, – весело скомандовал Нил. – У вас тут вообще есть выход?

Кадет хмуро пошел вперед, и Нил зашагал за ним. Ему хотелось кричать оттого, что он жив и сейчас выберется отсюда, но он сдержал порыв и просто рассмеялся, прислушиваясь к тишине за спиной. Ястребы стояли на пороге, и он костями чувствовал: сейчас они ничего, ничего не могут ему сделать.

Он совершенно свободен.

Глава 4

По ту сторону изгороди

Выход здесь действительно был, хоть и куда менее пышный, чем Нил воображал. В ту часть Селения, где живут Ястребы, он никогда не совался, жить-то еще не надоело, но ему всегда представлялось, что Изгородь заканчивается огромными воротами. Иногда эти ворота даже снились ему – угрожающие, черные, наглухо запертые.

Но ворот не было. Была узкая дверка, такая неприметная, что Нил прошел бы мимо, не взглянув. Ни ручки, ни засова, ни замочной скважины, – Господин Череп просто приложил ладонь, ее очертание вспыхнуло ярко-черным, и дверь бесшумно распахнулась.

От внезапного света Нил зашипел, прижав ладони к глазам, и, если бы его хотели застать врасплох, момент для нападения был идеальный. К счастью, проверить, на что он способен, Ястребы не стали, только едва ощутимо толкнули в спину, и Нил почувствовал под ногами что-то мягкое, непохожее на каменные плиты Селения. Нил подался назад, но его тут же подтолкнули еще разок, и дверь за спиной захлопнулась. Вот так просто: ни прощаний, ни напутствий, ни угроз. Точнее, все это вместо него, видимо, получил Кадет – кое-как разлепив воспаленные глаза, Нил первым делом увидел, как тот растерянно моргает, уставившись в каменную стену.

А потом на Нила обрушилось все разом: яркие краски вместо привычного черного и серого, запах леса, обжигающий солнечный свет. Пришлось сесть на землю, чтобы не упасть. Морщинистая кора деревьев, скользко блестящая Изгородь, вой монструма, теплая земля под ладонями. Нил сжал обеими руками сухие комья и поднес к лицу. Из них торчали травинки и жухлый лист. Пахло летом, детством и домом.

Ошалевшему от счастья Нилу понадобилось минут пять, чтобы сообразить: с лесом, который простирается вокруг, что-то не так, листья на деревьях – блеклые, потерявшие цвет, будто их побил морозом. Траву покрывал нездоровый белесый налет, и еще было очень тихо: ни птичьего щебета, ни шороха листьев.

– Превращайся, и полетели, – глухо проговорил Кадет.

– В каком смысле – превращайся? – Нил с трудом отвел взгляд от уродливого иссохшего леса. – Во что?

– В стрижа, конечно. Но если можешь во что-то другое – давай, мне все равно. Я перейду в свою птичью форму и полечу за тобой. Сможешь провести меня сквозь защитный купол прямо в полете? Это было бы...

– Стой, погоди. – От удивления Нил даже нашел в себе силы встать. – Я не умею.

Кадет медленно развернулся к нему. Пристально смотреть на Ястребов запрещалось, и Нил свято следовал этому правилу, чтобы не нарываться, но сегодня все запреты полетели в тартарары, и Нил уставился прямо в угрюмые карие глаза над маской. Вполне человеческие глаза.

– Золотой стриж не умеет летать?

– Есть такое, – признался Нил и, спохватившись, добавил: – В остальном мои силы почти безграничны. Но летать учатся долго, а мне, как ты заметил, негде было этим заняться.

Глаза Кадета опасно сузились – похоже, вспомнил, что Ястребам раскисать не к лицу. У его ног, портя впечатление, скулил и подвывал монструм. Кадет отпихнул его.

– Полет – естественное свойство живого существа, – процедил он. – Просто возьми и превратись. В полете мне легче будет тебя контролировать.

Нил хотел было ответить, что от полетов он тогда уж точно воздержится, но вовремя сообразил: ушли они недалеко, Кадету ничего не стоит позвать остальных. Пять минут назад Нил планировал сбежать в первую же секунду на свободе, вот только свобода оказалась полна слепящего света, полумертвых деревьев и мягкой неустойчивой земли, по которой он отвык ходить, не то что бегать. Горячку пороть не стоило, лучше уж пока изображать послушного болвана. Да и самому было любопытно: а вдруг возьмет и полетит?

– Ладно, попробую, – кивнул он и потер руки одну о другую.

Анима скользнула в ладони мгновенно. Что делать потом, Нил не представлял и просто захлопал руками, как крыльями. Получилась скорее курица, чем стриж, но золотая пыльца вокруг вспыхнула красиво. Левую руку окатило теплом – и вдруг дернуло болью от плеча вниз. Нил вскрикнул. Вместо руки у него теперь было что-то плоское, широкое, покрытое разлапистыми коричневыми перьями. Слабая от ужаса, Нил попытался сжать кулак, но не почувствовал собственных пальцев. Крыло дернулось. Нил осел на колени, упираясь здоровой рукой в землю, и отстраненно подумал, что его сейчас стошнит.

Весна сказала, что желания для магии достаточно, и он изо всех сил захотел вернуть себе руку. Не для того он вырвался из плена, чтобы погибнуть с куриным крылом и от руки Ястреба. Нил издал нервный смешок, подумав, что птичья тематика пронизывает эту историю насквозь.

Смех, как ни странно, тут же сработал, рука вернулась на место, и никогда еще Нил не был так рад видеть свои бледные пальцы с каймой грязи под ногтями.

– Извини, больше пытаться не буду, – слабо проговорил он. – Почему-то курица выходит, наверное, я их лучше помню. А с полетами у кур не очень-то, если ты в курсе.

Кадет прикрыл глаза. На его лице было написано мучительное желание колотить в дверь и просить, чтобы родная стая забрала его обратно.

– Ясно, – проскрипел он. – Тогда используем не вашу магию, а нашу.

Он осторожно вынул прямо из воздуха что-то маленькое, трепещущее. Перышко, сообразил Нил. Черное пуховое перо. Тоненькие нежные отростки трепал ветер, и казалось, что оно дрожит от холода.

– Это мое. Я перенесу тебя туда, где, по нашим сведениям, находится купол. – Кадет вложил перо Нилу в руку. – Держи и закрой глаза.

На ощупь оно было холодным как лед, и этот холод сразу пополз по руке вверх, разливаясь по телу. Нил внезапно почувствовал кожей воздух, его плотность, направление ветра – и тут же начал задыхаться.

– Эй! Успокойся и попробуй еще раз, – приказал издали голос Кадета. – Дай ветру себя подхватить.

Нил крепче сжал перо. Он был не прочь убраться от Селения подальше, но перо снова начало леденеть, и какой-то инстинкт, огромный и мощный, запрещал ему поддаваться, как запретил бы сунуть руку в огонь.

– Я не могу, – выдавил Нил. Ощущение было чужеродное, жуткое, будто его руку сначала набили колотым льдом, а теперь пытаются вывернуть наизнанку. – Не могу.

Но под тяжелым взглядом Кадета он попробовал снова. На этот раз холод беспрепятственно прокатился вверх по руке и наполнил грудь. Нил приоткрыл рот, пытаясь вдохнуть, и не смог. Ему показалось, что он отвлекся от происходящего всего на секунду, но когда туман перед глазами рассеялся, он обнаружил, что лежит на земле. Кадет нависал над ним, как угрюмое черное пугало.

– Ясно, – похоронным голосом произнес Кадет и бережно подобрал с земли перышко. Сжал его в кулаке, а когда разжал руку, в ней уже ничего не было. – Твое тело не выносит Тени. Твоя и моя магия отталкивают друг друга.

– А чего пешком-то не пойти? – прохрипел Нил и кое-как сел. – По земле надежнее.

Кадет тоскливо поглядел на небо, потом на закрытую наглухо дверь. Нила не оставляло чувство, что из-за нее – или сквозь нее, кто их знает, – за ними наблюдают, но вмешиваться никто не спешил. Очевидно, Ястребы считали, что, раз пророчество разгадал Кадет, Нил теперь целиком и полностью его проблема.

– Ладно, веди, – наконец сказал Кадет.

– Лучше ты. Сам же сказал, что знаешь, где купол.

– Вопрос в том, знаешь ли ты, – задумчиво ответил Кадет.

Его растерянность окончательно сменилась на тихую, мрачную подозрительность, и это было ничем не лучше: в таком настроении Кадет наверняка быстро додумается, что его пленник-болван понятия не имеет, куда идти. Нил надел на лицо самое наглое выражение, на какое был способен.

– Конечно знаю. Я же волшебник, – фыркнул он. – Но хочу проверить, вдруг ты врешь? Смешно будет, если я приведу тебя туда, как последний предатель. Либо иди первым, либо сяду тут, и ты меня не сдвинешь.

Лицо у Кадета стало сложное, и Нил решил закрепить успех.

– Или боишься ко мне спиной повернуться? – насмешливо спросил он. – Видимо, не такой уж ты сильный теневой маг. Может, друзей позовешь? Пусть они меня отведут, если сам не справишься.

О, вот это было в точку, Кадета аж подбросило. Он насупился, развернулся и зашагал через лес. Нил пошел следом, осторожно вминая ноги в большую хрусткую траву.

– Что с деревьями? – спросил он сотню шагов спустя, когда глаза окончательно привыкли к свету и стало ясно, что вокруг ничего не меняется: иссохший лес тянулся до горизонта.

– Территории освобожденных народов всегда такие, – равнодушно отозвался Кадет.

Нил остановился, чуть не споткнувшись. Если на всех захваченных Ястребами землях такое, получается...

– Земля не может вынести такое количество Тени. Она умирает, – выдохнул он. – Но... Но зачем вам это? Тут же, наверное, ни грибов, ни ягод, а если распахать, ничего не...

– Кое-где попадаются плодородные участки. Если теперь вашим сложнее находить еду, тем лучше. Меньше времени думать о глупостях.

– И много вы земель захватили? – не своим голосом произнес Нил.

– В этой части мира – все, кроме той, куда мы идем, – без выражения ответил Кадет.

Нил сглотнул, пытаясь избавиться от тошнотворной ненависти, которую вдруг почувствовал, глядя Кадету в спину. Ястребы, похоже, захватывали земли не для того, чтобы получать больше урожая, или дров, или рыбы. Они просто хотели ими обладать. Нил лихорадочно

огляделся. Надо быстро скрываться, ни секунды больше рядом с одной из холодных тварей, которые превратили мир, который он помнил, вот в это.

– Не отставай, – сказал Кадет, как будто у него глаза были и на спине. – И не пытайся сбежать, у тебя не выйдет.

Конечно, Нил попытался.

Он выждал, чтобы уйти подальше от Селения и хоть немного разобраться, где они находятся. Со вторым пунктом не сложилось: печальный больной лес вокруг совершенно не менялся. С первым тоже было так себе, потому что от Селения они удалялись куда медленнее, чем Нилу хотелось бы. Вина тут была общая: он давно забыл, как же это утомительно – ходить пешком, а Кадет, видимо, и вообще не знал, слишком привык летать.

Нил впервые видел, чтобы у Ястреба настолько плохо что-то получалось, и безнаказанно ухмылялся, глядя, как Кадет спотыкается через каждые несколько шагов. Монструм плелся рядом, кое-как перелезая через древесные корни, и время от времени скреб сапог хозяина, будто уговаривал взять его на руки. При этом у Кадета хватало сил бросать через плечо мрачные, цепкие взгляды, словно говорящие: «Какой бы хитрый план побега ты ни выдумал, я его раскрою». Поэтому Нил решил не мудрить и огорошить врага внезапно. Дождался, когда Кадет в очередной раз оступится, и без лишних затей бросился наутек.

Кадет и сам еле тащился, так что догнать был не должен, но Нил не учел одного обстоятельства: Ястребы вряд ли захватили бы мир, если бы полагались только на свои ноги. Нил не успел и десяти шагов пробежать, когда за спиной раздался свист, и вокруг лодыжки сжалось что-то холодное. Его дернуло назад, и он растянулся на земле, отчаянно пытаясь спихнуть с ноги полупрозрачную черную веревку. Петля затянулась только сильнее, и Нил схватился за нее рукой, представляя, что сейчас золотое сияние вплетется в нее и разорвет, как было в Комнате Страха.

Ничего подобного: видимо, анима не подчиняется испуганным хозяевам. Нил не понимал, кем надо быть, чтобы сохранять радость и спокойствие, беспомощно барахтаясь на земле, а Кадет не стал дожидаться, пока Нил договорится со своей магией, и потянул его за веревку к себе, как рыбу из воды. Нил проехал животом по траве, расцарапал лицо о корни, пытаясь освободить ногу, чтобы не сдаваться без борьбы. Как же все несправедливо устроено! Конечно, золотые маги проиграли, как вообще можно победить врагов, не чувствуя страха и злости? Угощать напитками? Уморительно шутить?

Кадет мог бы подойти, но мстительно дотащил его до себя, заставив пересчитать на пути все кочки. От его взгляда у Нила холодом прошило позвоночник.

– Вот так? Ты серьезно? И где твоя хваленая магия? – процедил Кадет. Нил пыхтел и извивался, но встать не мог: в дополнение к веревке на ногу ему взгромоздился монструм и отморожил ее окончательно. – Моя жизнь зависит от этого задания. Я тебя не упущу. Ни за что.

– Отцепись! – заорал Нил, просто чтобы заглушить собственным криком страх. – Отвали от меня, тварь!

Кадет изучил его с головы до ног и отвратительно умным голосом протянул:

– Похоже, сил у тебя не так много. Или ты их уже потратил, или не умеешь пользоваться. Ты понятия не имеешь, куда идти и где место силы, верно? Просто врал, чтобы выйти. Я должен был сразу догадаться.

– Ну, мозги-то птичьи, – огрызнулся Нил, которого захватила упоительная злость. Надо быть чокнутым, чтобы мирно и весело лежать, когда над тобой вот так нависают. – Я не повел бы тебя туда, даже если б знал. И что ты мне сделаешь?

Сделать Кадет, конечно, мог много чего, но Нил малодушно надеялся: магия сообразит, что ее хозяину сейчас придет конец, и спасет его сама, как на утренней игре. Но нет, не работало, что-то он делал не так, а понять, что именно, не успевал.

Кадет тяжело вздохнул. В глазах у него, как ни странно, была не злость, а облегчение.

– Мы возвращаемся, – сказал он. – Магус с тобой разберется. Ты не представляешь опасности, до его прибытия мы тебя удержим. Петлю снять даже не пытайся.

Кадет с силой дернул за веревку, – видимо, действительно решил тянуть Нила в Селение по земле. Нил вставать не стал, только пнул его в лодыжку. Ясно, что не навредит, но хоть душу отвести. Мысли метались, пытаясь зацепиться хоть за что-то хорошее, найти то, что вырвет его из этой безнадёги. Вот, солнце за тучи зашло, глаза больше не болят. И землю можно трогать сколько угодно. Нил вцепился в нее обеими руками – и замер.

Земля. Ну конечно. Это ведь она дает силу всему живому, она – источник магии, и пусть здесь с магией туго, коснуться даже этой полумертвой, сухой земли – все равно что пожать руку старого друга. Не зря же Ястребы выложили камнем Селение, фанатично заделывая каждую щель, чтоб ни одна травинка не проросла! Нил облизнул сухие губы, поерзал, чувствуя спиной траву и комья. Все вокруг не выглядит особо живым, но оно живое. Прямо как он сам, и Ястребы, и ребята, которые остались в Селении. Жизнь побеждает везде, где может, и земля знает об этом все.

Нил зарылся пальцами в жухлую траву, которая, правда, тут же выскользнула из рук, – Кадет рывками тащил его за собой, не отводя глаз и не поворачиваясь спиной. Нил безмятежно улыбнулся, чтобы слегка позлить его, – улыбка выводила Кадета из себя куда больше, чем беспомощные угрозы.

Все, спокойствие найдено, с этим уже можно работать. Сквозь частую сеть веток видно было серое небо – собирались тучи, солнце просвечивало еле-еле. Наверное, скоро начнется дождь. А что, если...

Идея, которая пришла ему в голову, была такой забавной и невыполнимой, что Нил немедленно решил попробовать. Он ведь смог расколоть купол над Селением, а значит, не обязательно прикасаться, чтобы передать магию.

Надо просто подумать о дожде. Представить себе каплю, собирающуюся в вышине. Капля набухала, росла и падала вниз. Кадет посмотрел на руки Нила, мягко перебирающие землю, и его глаза расширились. Он запоздало понял, что связывать надо было не ноги.

Кадет сделал движение, будто хотел вытащить что-то из воздуха, но не успел. Сверху и правда упала первая капля дождя – гигантская, подрагивающая, как бурдюк. Она рухнула на Кадета, тот глухо вскрикнул и выпустил веревку – так пристально следил за Нилом и даже не подумал, что опасность может прийти с другой стороны.

Нил восхищенно присвистнул. Вторая исполинская капля, в которую уместилась пара ведер воды, ударилась о Кадета и разбилась на тысячу брызг. Тот вскинул руки, закрывая голову, и Нил тотчас спихнул веревку с ноги. Это оружие использовали на игре, и он помнил, что петля разжимается, если веревку не держат за другой конец.

На этот раз он не побежал, а встал, выпрямившись во весь рост. Нил боялся, что, разорвав контакт с землей, перестанет управлять дождем, но нет, смотри-ка, все работает. Нил почувствовал, как улыбка расплывается от уха до уха.

Вокруг начался дождь, самый обычный, летний и теплый, но на потрясенно застывшего Кадета продолжали валиться гигантские капли. Он уже вымок до нитки, форма облепила тело, монструм счел за лучшее припасть к земле и изобразить плоскую тень. Кадет все-таки смог поднять ладонь и зашипел, когда следующая капля всем своим пудовым весом приземлилась ему на запястье.

– А вот и моя хваленая магия, – сказал Нил, сложив на груди руки.

– Не впечатляет, – отрезал Кадет, вздрогнув, когда очередной дрожащий ком воды разбился о его спину.

Лжец. Он был впечатлен, действительно впечатлен и напуган, – но, похоже, как и Нил, всегда считал за лучшее изображать, что ему все нипочем. Хоть что-то у них есть общее.

Ответить ему Нил не успел, потому что вдруг ощутил кое-что уж совсем непрошеное – чужое присутствие рядом. Оно бархатно сжималось, наступало сразу отовсюду, Нил чувствовал его не головой, а ногами, телом, будто смог поймать отзвук чужих шагов через землю.

– И что будешь делать дальше? Поливать меня, пока не зацвету? – неразборчиво спросил Кадет, давясь водой.

До Нила дошли сразу две истины: во-первых, только что на его глазах Ястреб пошутил, во-вторых, хваленое ястребиное зрение и слух сильно переоценивают. Кадет в упор не замечал, что они не одни, пока из леса не вылетел камень и не треснул его в плечо. Кадет глухо вскрикнул, попытался обернуться – и получил другим камнем в лоб.

– Держись, парень, мы идем! – азартно завопили у Нила над ухом.

Третий метко брошенный камень распорол Кадету бровь. Нил почему-то ожидал, что кровь у него черная, или зеленая, или вообще никакой, но она оказалась обычная, красная. Потекла вниз вперемишку с водой, заливая Кадету глаз и мешая видеть, что происходит.

Сквозь стену дождя Нил различил, как отовсюду к ним подбираются люди – все как один бородатые и худые. Их было человек десять, но двигались они абсолютно бесшумно, и Нил подумал: что, если они идут следом уже давно? Но страх так и не пришел, он чувствовал, что это свои, что они на его стороне. В его детстве мужчины были вот такие же: рослые, широкоплечие, только не такие изможденные.

– Хватит! – выпалил Нил, когда один из них снова швырнул в Кадета камнем.

Мужчина, бросавший камни, непонимающе уставился на Нила.

– Ладно, если у тебя другой план. – Он послушно бросил камень на землю. Нил мысленно дал ему кличку Храбрец, на вид он был самый задиристый. – Просто хотели помочь. Ты ведь... – Мужчина сглотнул, жадно разглядывая Нила. – У тебя есть магия, да?

– Я золотой стриж, – важно ответил Нил, который полдня мечтал кого-нибудь поразить этой новостью. – Магии у меня полно. Я иду...

По рядам мужчин прокатился сдавленный вздох, а Храбрец рывком притянул Нила к груди. Тот опешил. В каком-то дальнем, поблекшем углу его памяти хранились воспоминания о том, что раньше люди все время обнимались, но после стольких лет он не мог заставить себя обнять в ответ и просто стоял, одеревенело расставив руки. Остальные подошли и несмело прикоснулись к рубашке Нила.

– Ты существуешь. Легенда не врет. – Храбрец провел по голове Нила горячей тяжелой ладонью. – Из-за той черной стены никто никогда не выходил, и мы сразу поняли: ты особенный. А потом ты эту штуку с водой проделал и...

Храбрец внезапно решил, что объятий недостаточно, и повалился на колени прямо в размокшую от дождя землю. Остальные последовали его примеру. Нил моргнул.

– Окажи нам честь, посети нашу деревню. Она здесь, недалеко. Тебя надо принимать в роскоши, а у нас очень бедно, но мы поделимся всем, всем, что у нас есть, – сдавленно продолжил Храбрец. Он смотрел с таким робким благоговением, что Нилу стало не по себе. – Мы все сделаем. Ты теперь в безопасности.

Нил покосился на Кадета – тот пошатывался под весом бьющих по нему пузырей воды и кое-как смаргивал дождь, но взгляд его обещал, что в безопасности Нил будет только через его труп.

– Мы примем тебя с почестями. Убей птицу, и уходим. – Храбрец уважительно склонил голову, остальные тут же последовали его примеру. – Покажи нам, как ты это делаешь, победитель крылатых мразей.

– В каком смысле – убить? Зачем? – растерялся Нил.

– Ты ведь пришел спасти всех от Ястребов. – Храбрец тоже растерялся. Его соратники следили за Нилом, затаив дыхание. – А значит, ты умеешь их убивать. Ястребов. Иначе как еще нам от них избавиться?

В груди екнуло, и ливень сразу прекратился. Еще минуту назад магию было так легко контролировать, Нил чувствовал связь с ней, с землей, с дождем, но все исчезло без следа, стоило ему подумать о смерти, пусть даже и не своей.

Когда с неба перестало лить, Кадет, как ни странно, упал, еле успев выставить перед собой руки, – то ли Ястребы не любили мокнуть, то ли удары такого количества воды были не лучше, чем камни. Теперь он полулежал, припав к земле, и, судя по злобному взгляду, собирался с силами, чтобы запустить руку в Тень и показать всем, кто тут хозяин.

– Никто никого убивать не будет, – дрогнувшим голосом сказал Нил.

Храбрец недоверчиво фыркнул.

– Золотой стриж, по легенде, одолеет Ястребов. Они не люди, они чудовища.

– А вы – жалкие, лишенные магии нищие, – встрял Кадет, зажимая ладонью разбитую бровь. Сквозь мокрую маску голос казался невнятным. – Хотите мне навредить? Попробуйте, я от вас ни клочка не оставлю.

Нил застонал и прижал мокрые руки к глазам. Это было бы просто грандиозным решением всех его проблем: избавиться от Кадета и идти дальше свободным и счастливым. Вот только... Он ненавидел то, что сделали с его землей Ястребы, но не мог даже представить, как можно превратить в неживой кусок мяса кого-то, кто ходит, дышит, злится, пытается успокоить свою собаку и морщится от пореза. Нил уже открыл рот, чтобы как-то это объяснить, но увидел, с какой детской надеждой смотрят бородачи, и не смог.

Придется как-то выкрутиться. Взвесив шансы, Нил сообразил, что скорее надо защищать людей от Кадета, а не наоборот, и подошел к нему. Как раз вовремя: Кадет уже пришел в себя и начал перебирать воздух пальцами свободной руки – небось надеялся, что никто не заметит.

– Слушай, – зашептал Нил, наклоняясь к нему. – Не трогай их, и я не трону тебя. Они уйдут, и мы разберемся.

– И с какой стати мне тебя слушать? – спросил Кадет, но в том глазу, который не заливало кровью из пореза, блеснуло что-то похожее на облегчение.

– С той, что пес твой трясется, как припадочный, а значит, тебе тоже страшно. Навредишь людям – я за себя не отвечаю. Понял?

Кадет хмуро покосился на монструма, но пальцами двигать перестал, и на том спасибо. Нил потер лоб. По испуганным взглядам бородачей он видел: пока с ним живой Ястреб, никаких застолий и мягких перин можно не ждать.

– Благодарю вас, но мне нужно идти. У меня срочное дело, – объявил он, стараясь не думать о еде и сухой одежде. – Знаете, где золотые земли?

На лице у Храбреца проступило такое разочарование, будто упоминание о золотых землях было хуже, чем живой Ястреб у него под носом. Он вяло ткнул в ту сторону, куда они с Кадетом изначально и шли.

– И ты туда же, – с кривой улыбкой сказал он, смерив Нила тяжелым взглядом. – Спрячешься там, как они все, а тут – хоть трава не расти. Может, и Ястреба нам оставишь, чтобы уж побыстрее нас прикончил?

– Нет, его я забираю с собой, – сказал Нил. Сбежать он, ясное дело, попробует снова, главное – чтобы никого рядом не было. – Вы не расстраивайтесь. Все будет хорошо, обещаю. В золотых землях осталось совсем мало магии, но когда я найду место силы, я ее верну, и тогда вам всем помогут.

– Золотые земли? Помогут? – Храбрец невесело рассмеялся. – Забавное предположение.

– Почему?

– Им ни до кого нет дела. И знаешь что? – Он подошел ближе, нависая над Нилом. – Вы все такие. Золотые волшебники хотят просто сидеть там, куда птицам не добраться. Берегут аниму. – Голос у него сорвался. – Вам наплевать на тех, кто уже ее потерял.

Нил приоткрыл рот. Слова были глупые и несправедливые, и он хотел было объяснить, что земли доброй магии просто отрезаны от других, но потом решил: действия всегда лучше болтовни. Он сосредоточился, позволяя аниме скользнуть в ладонь. Рука слабо засияла золотом, мужчины потрясенно моргнули. В этом теплом, волшебном свете было еще заметнее, какие у них заросшие, дикие, осунувшиеся лица, и Нилу стало не по себе. Он думал, снаружи все окажется таким, как он помнил, таким, как в детстве, но эти люди были под стать своему лесу – словно болели без магии так же, как земля.

– Это вам. – Нил сжал руку Храбреца и почувствовал, как сияние мягко скользнуло в нее, переходя от одного хозяина к другому. – Вы все не так поняли. Если у меня получится, золотые земли всех спасут. Честно, так все и будет.

Нил разжал пальцы, и Храбрец замер, удивленно глядя на свою руку. Сияние прокатилось по ней вверх и погасло, впитавшись в тело, а Нил перешел к следующему и так же сжал его руку. Обойдя всех, он сделал шаг назад и улыбнулся, глядя на их лица. Они как будто наполнились жизнью: на бледных лицах ярче проступили краски, спины выпрямились.

– Все будет хорошо, увидите. – Нил махнул им рукой. В груди ныло – сосущая пустота, как будто ему запустили руку прямо под ребра и вынули кусок, но он постарался затолкать страх подальше. Не протянет же он ноги, поделившись анимой с этими бедолагами. – Все будет хорошо, увидите.

– Это ваш день, рабы, – прибавил Кадет, который, видимо, не выносил, когда последнее слово оставалось не за ним. – Но не советую вам кому-нибудь рассказывать об этой встрече.

Нил подмигнул бородачам у него за спиной – он не сомневался, что они расскажут всем. А потом жители их деревни передадут жителям соседней, и вся округа будет знать: надежда не потеряна. Даже если у него ничего не выйдет, надежда останется, а значит, все не так уж и плохо.

Он повернулся и пошел прочь, спиной чувствуя, что ему смотрят вслед. Не Кадету, который шел рядом и пытался взглядом утихомирить крутящегося под ногами монструма, – именно ему. Нил хмыкнул и расправил плечи. Как же приятно быть героем дня.

Глава 5

Добро пожаловать живым

Свет иссякал, бесконечный летний день медленно продвигался к концу.

Какое-то время они шли молча. К счастью, разговоров про возвращение Кадет больше не заводил: то ли не хотел прийти в Селение побитым, то ли решил, что рано сбрасывать Нила со счетов. Нил тоже беседовать не рвался – его слегка пугало, что пустота в груди не проходила. Все силы теперь уходили на то, чтобы переставлять ноги и отводить с дороги ветки, лезущие в глаза. Как же, оказывается, тяжело в мокрой одежде, когда солнце уже не греет.

– Зачем? – внезапно начал Кадет. Нил вопросительно хмыкнул, и он продолжил: – Я просчитал все варианты развития той ситуации. Все, кроме того, который выбрал ты.

– Я даже представлять не хочу, какими были твои, – пробормотал Нил.

Он устал до такой степени, что не чувствовал во рту собственный язык. Как будто он сам бестелесно парил в воздухе, а говорил за него кто-то другой.

– Ты мог попытаться уничтожить меня, пока я слаб. Натравить их и меня друг на друга и сбежать. Получить от них нужные для поддержания жизни ресурсы.

– Как приятно удивлять, – философски заметил Нил и тут же споткнулся о корень. – Ты же говорил, что изучал золотую магию в этой вашей, ну...

– Академии. Изучать и видеть на практике – разные вещи. – Кадет, насупившись, помолчал. Видимо, чужая глупость его злила до дрожи, но он старался держать себя в руках. – Из-за выходки с передачей магии ты ослабел, а уровень анимы, как нас учили, сразу не восстанавливается. У тебя ведь даже нет к ним личной привязанности! Зачем ты это сделал?

– Ой, а ты так за меня переживаешь, прямо отец родной. – Нил едва нашел в себе силы оскалить зубы.

– Я никак не мог бы быть твоим отцом, – сказал Кадет. Видимо, способность понимать шутки Ястребы нужной не считали. – Тебе, судя по нашим документам, пятнадцать лет. Мне – семнадцать.

– Мать-земля, – простонал Нил, которого все это начало забавлять. – Да ты ж совсем птенчик. Всегда хотел знать: вы из яйца вылупляетесь? А гнезда ты вить умеешь?

Кадет метнул на него самый мрачный из своих взглядов. Нил даже ухом не повел.

– Я всего лишь пытаюсь понять, как ваша магия может быть такой опасной для нашей Империи, если вы настолько глупы, – отрезал Кадет. – Ты не избавился от меня, не восполнил запасы, наоборот, – потратил свою магию. И ради чего? Ты же вообще ничего не добился.

Нил удивленно глянул на него. Ничего себе «ничего»! Кадет с исследовательским интересом ждал ответа, и Нил разлепил губы:

– Тебе пару раз досталось по башке, и не скажу, что это меня расстраивает. Но в целом – никто никому не навредил. Мощное, знаешь ли, достижение в мире, где все мечтают друг друга прикончить.

Кадет отрывисто фыркнул.

– Кстати, те нищие правы, – мстительно проговорил он. – Из золотых земель никто не выходил уже десять лет. Мы считали, они копят силы, чтобы нанести нам удар, но, может, волшебники, которые там скрылись, просто не хотят помогать неудачникам.

– О, правда? – взвился Нил, которому гнев вдруг придал сил. – И что ж ты тогда здесь делаешь?

– Есть пророчество, которое гласит, что золотые земли для нас опасны, – нехотя ответил Кадет. – Моя задача – не допустить проблем, и я ее выполню. Мы уже почти на месте: судя по нашим данным, купол где-то здесь.

Нил принял это к сведению, но у него не было сил живо отозваться на новости – зуб на зуб не попадал. Он зевнул, и Кадет вдруг посмотрел прямо на него. Взгляд этот ничего хорошего не обещал – будто он надумал поставить какой-то опыт, и Нилу в нем отведена почетная главная роль.

– Ты можешь поспать, – заявил Кадет. – Я посторожу.

Нил слишком устал, чтобы разбираться, чего это он расщедрился, и просто сел под ближайшее дерево, прислонился к стволу и уснул, – мгновенно, как только и может уснуть человек, привыкший спать больше двадцати часов в сутки.

А проснулся он от того, что вокруг лодыжки сжалось что-то холодное. Нил со стоном подрыгал ногой, но оно не исчезло, и пришлось открыть глаза.

Веревка. Опять теневая веревка, да что ж такое. Кадет нависал над ним, держа второй ее конец в руке, и глаза его – и здоровый, и припухший от встречи с камнем – сияли злорадной ястребиной радостью. В окружающем мире изменилось на удивление мало, и Нил хрипло спросил:

– Сколько я спал-то?

– Четверть часа, – охотно сообщил Кадет. – Я решил выждать, чтобы ты заснул глубже. Ты подтвердил мою теорию и даже не подумал защитить себя с помощью магии.

– Ты мерзкий и надоедливый тип, ты в курсе? – хрипло сказал Нил, которого вырвали из сна так резко, что голова теперь трещала.

– Нас учили, что золотые маги дружелюбны и не способны на оскорбительные высказывания.

– Ну, и где они теперь? – Нил сжал переносицу, чтобы хоть как-то проснуться. – Слушай, я и не такие слова знаю, четыре года на играх. Если не хочешь услышать их все, просто объясни, чего тебе надо? Хорошо, ты поймал меня за ногу, дальше что?

– Я ведь сказал: купол уже близко. Значит, ты попытаешься сбежать. Я должен тебя контролировать. Врасплох ты меня больше не застанешь, так что вставай и иди первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.